

A 245
71

Е. ЖИЛИНСКАЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО ГОРАМЪ
Средней Азіи.

ВАРШАВА.
ПОЛИЦЕЙСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1902.

А 245
71

Е. ЖИЛИНСКАЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО ГОРАМЪ
Средней Азіи.

81 2/1034 44

ВАРШАВА.
ПОЛИЦЕЙСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1902.

ПУТЕШЕСТВІЕ

по горамъ Средней Азіи.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Въ 1886 году, 1-го іюля, въ 8 часовъ утра, лошади были уже осѣдланы, слуги суетились, дѣлая приготовленія къ отъѣзду. Я еще не вставала и, лежа на мягкихъ подушкахъ, думала, что и ихъ сейчасъ нужно будетъ отдать на выюки и взять съ собой прохладу подъ красивой крышей азіатской палатки, придется сѣсть на сѣдло и въ теченіе двухъ, а можетъ быть и болѣе, недѣль, Богъ знаетъ, какъ проводить ночи... Но что значать эти неудобства въ сравненіи съ тѣмъ удовольствіемъ, которое даетъ дѣятельная, полная разнообразія, походная жизнь! Нѣтъ, люблю я все это и готова вынести многое, только бы пожить на цыганскомъ привольѣ... Каждый годъ, переѣзжая на лѣтній сезонъ въ горы, на дачу, въ урочище Чимганъ, я предпринимала какую-нибудь большую прогулку; но въ этомъ году, чувствуя себя сильнѣе обыкновеннаго, я хотѣла сдѣлать болѣе серьезное путешествіе. Чтобы доставить мнѣ удовольствіе, мой мужъ ¹⁾ предложилъ мнѣ отправиться съ однимъ изъ его топографовъ, капитаномъ Николаемъ Михайловичемъ Козловскимъ (теперь полковникъ), который, начиная съ Чимгана, долженъ былъ идти изслѣдовать южныя отрасли хребта Алатау по направленію къ верховьямъ рѣчки Майданъ-талъ. Увѣренный въ его опытности, осторожности и предупредительности, онъ только просилъ меня не рисковать въ мѣстахъ, особенно опасныхъ.

Итакъ совершилось давно мною желанное, и въ назначенный день, число и часъ все было устроено къ общему удовольствію, къ общему даже восторгу...

Я, лежа, улыбалась, прислушиваясь къ суетнѣ, къ хрустящему жеванію и фыканію лошадей, точно къ прощальному щебетанію нашихъ постоянныхъ воздушныхъ жильцовъ—горныхъ соловьевъ, къ томному журчанію маленькаго ручейка...

И было мнѣ хорошо и весело, но вставать все-таки нужно. Я слышу уже голосъ нашего капитана, пріѣхавшаго справиться, какъ идутъ сборы, и шумный разговоръ швейцарки, моей компаніонки m-lle К., которая должна была сопровождать меня въ путешествіи.

Я стала рѣшительно одѣваться. Наши дамскіе костюмы, т. е. мой и m-lle (изъ дамъ мы были только двѣ) не отличались особенною затѣйливостью, но

¹⁾ Начальникъ военно-топографическаго отдѣла въ Ташкентѣ.

были весьма практичны, въ чемъ убѣдились мы впоследствии. Они состояли изъ короткаго парусиннаго платья и изъ той же матеріи широкихъ шальваръ, изъ длинныхъ сапогъ и китайской фетровой шапки, которую, смотря по погодѣ, можно было разгибать и укрывать такимъ образомъ лицо отъ атмосферныхъ невзгодъ.

Къ одиннадцати часамъ выючныя лошади были отправлены съ казаками впередъ, а мы остались еще позавтракать, привести въ порядокъ нашъ чимганскій дачный баракъ, кое-что уложить и запереть. Все это казалось намъ дѣломъ одной минуты, однако пришлось провозиться до часу пополудни.

— Скорѣе, пожалуйста, торопитесь, иначе мы не дождемъ во-время до ночлега! говорила я, выпивая наскоро свой чай.

Наконецъ все готово; комната барака заперта и запечатана, лошади, уже давно осѣдланныя, стоятъ внизу. Мои маленькія ружья въ чехлахъ красуются за спинами повара Дементія и джигита Мадаея. Я посадила Мурашку, мою маленькую собачку, въ корзинку, которую отдала джигиту, и сама вскочила на сѣдло. Изъ своихъ лошадей я взяла только три, попроще, для выюковъ и м-ше, а себѣ наняла маленькую казачью лошадь съ довольно порядочнымъ шагомъ, на которой, несмотря на ея невзрачный видъ, бодро, почти горделиво, выѣхала первая, а за мной остальная шумная компанія. Капитанъ К. и Иванъ Павловичъ Ивановъ, топографъ, который также ѣхалъ съ нами, замыкали шествіе. Всѣ въ Чимганѣ говорили объ этой экспедиціи, и теперь, когда проѣзжала наша веселая кавалькада, дачники выходили изъ своихъ кибитокъ посмотреть на насъ, кланялись, издали спрашивали, когда вернемся, желали успѣха, прибавляя: „счастливые, счастливые!“

На ровныхъ и гладкихъ мѣстахъ мы пускали лошадей и скакали, не думая о завтрашнемъ днѣ. Солнце припекало и безъ того разгоряченныя наши лица, воздухъ былъ душный, безъ малѣйшаго вѣтра. Не доѣзжая селенія Бричъ-муллы, мы остановились, сошли съ лошадей, чтобы немного отдохнуть и утолить мучившую насъ жажду свѣжею хрустальною водою, которая вытекала изъ-подъ скалы, образовавшей гротъ, откуда вѣяло влажною, освѣжающею прохладой. Оставивъ этотъ цѣлительный, бодрящій уголокъ, сѣли мы на коней и съ веселымъ смѣхомъ понеслись по широкой и гладкой равнинѣ. Передъ самымъ селеніемъ, версты за полторы, нужно было переправляться черезъ мостъ, о которомъ городскіе жители говорятъ много ужасовъ и переходятъ его обыкновенно пѣшкомъ. Дѣйствительно, онъ узкій, длинный, безъ перилъ, отъ ветхости покосился и лежитъ на чрезвычайно высокихъ берегахъ; внизу подъ нимъ съ шумомъ мчитъ по дну, усеянному огромными острыми камнями, голубовато-зеленоватая прозрачная вода Чаткала. Мы однако не слѣзали съ лошадей, — но проѣхали его поодионокъ, съ серьезными, сосредоточенными лицами. Въ настоящее время сартами устроены здѣсь довольно хорошій мостъ. Онъ выстроенъ съ денежнымъ пособіемъ отъ генераль-губернатора, европейской системы, что доказываетъ большую техническую сообразительность сартовъ.

Самое селеніе Бричъ-мулла — чрезвычайно живописное мѣстечко, расположенное на горѣ, съ многочисленными фруктовыми садами, которые какъ бы

укутываютъ его массою роскошной зелени. Въ особеннoсти хорошъ видъ съ другой стороны селенія, когда приходится проѣзжать второй подобный мостъ черезъ рѣку Кокъ-су (голубая вода), съ очень крутыми и необыкновенно красивыми берегами. Отсюда идетъ великолѣпная, мягкая дорога, усаженная плодовыми деревьями, подлѣ которыхъ съ одной стороны поднимаются довольно высокія горы, а съ другой—разстлана волнистая мѣстность съ роскошною травой и цвѣтами, къ сожалѣнію тогда ужъ на половину выгорѣвшими отъ жгучаго солнца. Дорога эта то удаляется, то приближается къ берегу голубоватой рѣки, составляющей главную прелесть этой мѣстности. Въ шестомъ часу, когда солнце спустилось довольно низко, жаръ спалъ и повѣяло мягкою прохладой, достигли мы селенія Богустана — мѣста нашего ночлега. Обыкновенно дачники Чимгана предпринимаютъ путешествіе, чтобы полюбоваться на его красоты и насладиться густою тѣнью вѣковыхъ орѣховыхъ рощъ. Намъ нужно было отыскать нашихъ казаковъ съ вьюками, которымъ было приказано остановиться здѣсь. Вызванный аксакалъ (сельскій староста) сказалъ, что они проѣхали въ Наной—сосѣднее селеніе, расположенное въ двухъ верстахъ отсюда, дорога къ которому шла по карнизу не болѣе какъ въ аршинъ ширины, и притомъ надъ крутымъ обрывомъ. Досада была общая. Начальникъ экспедиціи былъ очень недоволенъ неисполнительностью казаковъ. Усталость чувствовалась въ особеннoсти лошадьми, которыхъ приходилось подгонять каждую минуту. Да и вообще путешествіе не представляло и для насъ ничего пріятнаго въ вечернія сумерки, хотя и по живописной, но такой опасной дорогѣ. Аксакалу, видимо, хотѣлось отдѣлаться поскорѣе и сбить насъ съ рукъ, но его заставили указывать дорогу. Съ неудовольствіемъ пошедъ онъ впередъ, и мы, покорные судьбѣ, последовали молча за нимъ. Къ счастью, не болѣе какъ въ полуверстѣ увидѣли мы нашихъ людей, на широкой площади, покрытой высокою травой. Мѣсто казалось хорошимъ, но когда мы приблизились къ нему, то насъ обдало до того сильнымъ ароматомъ отъ разнообразныхъ травъ, что даже дышать было трудно. Оставаться здѣсь не было никакой возможности; капитанъ велѣлъ сарту вести насъ въ другое мѣсто, и мы двинулись уже въ полномъ составѣ и медленно потянулись вверхъ по крутой и обрывистой горѣ въ кишлакъ (селеніе), гдѣ для нашего помѣщенія отвели обширный и тѣнистый садъ. Послѣ сорокаверстной прогулки мы съ удовольствіемъ покинули сѣдла и вытянулись на мягкихъ кошмахъ и одѣялахъ, посланныхъ нашею прислугою. Всѣ мы чувствовали голодъ и поэтому, заказавъ повару хорошій ужинъ, стали закусывать тѣмъ, что съ нами было готового.

Вечеръ былъ чудный. Надъ нами поднялась ясная и спокойная луна, затмивъ своимъ голубоватымъ свѣтомъ блѣдное мерцаніе звѣздочекъ. Деревья представились намъ какими-то гигантами; трава подъ ихъ тѣнью покрылась густымъ мракомъ, на которой бѣлыми пятнами обрисовывались наши походныя палатки.

Прислуга, казаки, сарты-зрители размѣстились группами тамъ и сямъ, принявшись каждый за свое дѣло. Вскорѣ веселый огонекъ затрещалъ въ отдаленіи, за нимъ другой, третій... Загорѣлая, улыбающіяся лица, бритыя въ

тюбетейкахъ головы, черныя блестящія глаза, бѣлыя зубы—все это засверкало, ясно освѣщенное золотымъ пламенемъ костра. Въ отдаленіи слышался и гулъ голосовъ, и веселый смѣхъ, прерывающій тишину и спокойствіе іюльской ночи, и трескъ огня, поверхъ котораго, въ темномъ облакѣ дыма, подымались мѣриды искръ, исчезающія куда-то въ пространство.

Какъ все это хорошо! Я забыла усталость, и бодрая, веселая, переходила отъ одного костра къ другому. „Люблю я этотъ яркій огонекъ среди ночи“, говорила я, подкладывая тоненькіе прутики хвороста, „и готова до утра просидѣть при подобной обстановкѣ“. „Это легко исполнить“, отвѣтили мои любезные спутники, и черезъ пять минутъ огромное сухое дерево запылало передъ нами. Это былъ гигантскій костеръ, который безъ поддержки горѣлъ до слѣдующаго утра. Усѣвшись передъ нимъ на пестрыхъ коврахъ, заваленныхъ подушками, сакъ-воями, съѣстными припасами, мы запѣли одну изъ малороссійскихъ пѣсенъ, задушевный тонъ которыхъ всегда наводитъ невольно на мысль о глубокой грусти, волновавшей нѣкогда душу поэта... А луна, величественно спокойная, гордая своею красотой, полнымъ, яснымъ кругомъ стояла надъ кострами, какъ бы съ презрѣніемъ глядя на ихъ желтоватый неровный свѣтъ. Едва мы прервали наше тріо, какъ послышался голосъ запѣвалы и за нимъ веселая народная пѣсня казаковъ. Яркій огонь пылаетъ, освѣщенные лица движутся, улыбаются, супъ кипитъ... Поваръ идетъ со скатертью, которую разостлалъ передъ нами на коврѣ, положивъ нарѣзанный хлѣбъ, тарелки, ложки и вилки; мы поужинали съ удовольствіемъ и, такъ какъ было очень поздно, поторопились разойтись по своимъ палаткамъ. Когда мы улеглись было уже болѣе двухъ часовъ. Едва успѣла я перекреститься, какъ крѣпкій, здоровый сонъ заставилъ меня забыться. Какъ хорошо спится на походной постели!..

Вдругъ вѣтеръ промчался надъ нами, палатка, какъ листъ, затрепетала, деревья шумно загудѣли, что-то забарабанило надъ нашими головами; я открыла глаза и прислушалась. Еще темно. Это буря разыгралась, и дождь старается проникнуть къ намъ. Ничего, въ такую погоду еще лучше спится. Я плотнѣе закуталась въ теплое одѣяло, моя собачка ближе прижалась ко мнѣ, и, подъ влажною пылью пробившаго крышу дождя, сонъ снова, овладѣлъ мною.

Утро. Слышенъ разговоръ. Пора вставать. Да, ужъ семь часовъ. Сыро и холодно. Дождь утихъ, но пасмурно, воздухъ такъ и охватываетъ холодомъ, хотя настроеніе духа прекрасное; чувствуешь себя какъ то легко: перспектива дальнѣйшаго путешествія веселитъ сердце. Когда мы съ m-lle К. подошли къ нашимъ спутникамъ, дождь начался снова. Надѣвъ дорожные плащи, бурки, мы долго сидѣли подъ деревомъ, надѣясь, что небо сжалятся надъ нами и пошлетъ солнышко, но такъ какъ этого не случилось, то принуждены были съ чаемъ укрыться въ палатку.

Наконецъ дождь пересталъ, хотя по небу носились свинцовыя тучи, и вѣтеръ дулъ по временамъ довольно холодный. Несмотря на это, часовъ въ девять мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Пройдя благополучно Нанай, мы слѣзли съ лошадей, чтобы пройти пѣшкомъ крутой спускъ къ рѣкѣ Пскему.

Двигаясь медленно длинною вереницей по каменистому скату, мы очутились передъ чуднымъ, стремящимся съ вершины очень высокой скалы, водопадомъ, который до низу доходилъ только мелкими брызгами, отливающими, при блѣдномъ, упавшемъ на нихъ солнечномъ лучѣ, всеми цвѣтами радуги. Воздухъ въ этомъ мѣстѣ былъ чистый, влажный. Низкій мостъ надъ кипячимъ Пскемомъ имѣлъ видъ еще хуже бричъ-муллинскаго: узкій, покосившійся, съ провалами въ настилкѣ, онъ, казалось, еле выдерживалъ тяжесть человѣка. Пѣнистыя волны заливали его на половину и этимъ еще болѣе затрудняли переходъ. Переправились мы, однако, вполне благополучно и сѣли снова на коней, чтобы подняться по очень узкой и крутой тропинкѣ, лѣзущей по склону горы, усыпанной мелкимъ щебнемъ, по которому лошади, скользя и спотыкаясь, шли чрезвычайно медленно. Зато какой чудный видъ разстилался передъ нами!

Бурливая рѣчка на нѣсколько сажень ниже насъ извивалась голубовато-прозрачною лентой, между опрытными кирпично-красноватыми берегами, покрытыми кудрявымъ кустарникомъ и деревьями. Кругомъ виднѣлись подернутые темно-фіолетовою пеленой горы съ яркими бѣлоснѣжными вершинами; а далеко на горизонтѣ, изъ-подъ сѣроватаго неба пробивались капризно яркіе золотистые лучи полуденнаго солнца.

Мы ѣхали молча. Вскорѣ дорожка сдѣлалась шире, мягче, и лошади пошли быстрѣе. Дождь то накрапывалъ, то снова переставалъ. Около трехъ часовъ показалась густая роща, подлѣ которой тѣснилось нѣсколько глиняныхъ мазанокъ, составлявшихъ сел. Полонахъ. Мы собрали общій совѣтъ, подумали и рѣшили остановиться здѣсь на ночлегъ, такъ какъ до сел. Пскема, куда мы направлялись, оставалось еще верстъ 25—30, которыя трудно было пройти до заката солнца. На уютномъ, тѣнистомъ мѣстѣ раскинули палатки и развели огонь. Киргизы принесли намъ молока, и мы принялись за завтракъ.

Чтобы занять чѣмъ-нибудь остальное время, все согласилось отправиться на охоту. Иванъ Павловичъ взялъ ружье одного казака и рѣшилъ поискать кабановъ, которыхъ вокругъ, какъ сказали здѣшніе обитатели, было очень много; я взяла мое маленькое ружье для мелкой дичи, и мы всею компаніей двинулись за добычей.

Ходили мы долго по мокрой травѣ, по страшно неудобнымъ крутымъ мѣстамъ, то подымаясь на вершину, то спускаясь къ хлѣбнымъ полямъ, часто перескакивая черезъ изгороди маленькихъ садиновъ, но ни птицъ, ни звѣрей не встрѣтили и вернулись къ обѣду мокрые, перепачканные грязью и совершенно усталые. Еще солнце не закатилось совсѣмъ, какъ все въ лагерь затихло и спало сладкимъ сномъ. На другой день къ семи часамъ мы были готовы отправиться въ дальнѣйшій путь. Жара стояла страшная, и вчерашней непогоды не осталось и слѣда. Солнце палило и обдавало раскаленнымъ воздухомъ, которымъ трудно было дышать. Въ какой-то истомѣ, точно полудремотѣ, двигались мы медленно по крутой, но мягкой глинистой дорожкѣ.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Пскему, тѣмъ болѣе встрѣчали рѣчекъ, ручьевъ и канавъ, которые приходилось переѣзжать въ бродѣ. Бурливая пѣнис-

тая вода и острые камни, составлявшіе ихъ ложе, чрезвычайно затрудняли переходъ. Но такъ какъ ни одного мѣста не было особенно широкаго и глубокаго, то и несчастій никакихъ не случилось, только на одной подобной переправѣ снесло большую собаку г. И — ва. Вода то прибывала ея къ камнямъ, то вертѣла на мѣстѣ въ кипучемъ водоворотѣ, то снова выбрасывала и уносила на бѣшеныхъ волнахъ, какъ легкій мячикъ, почему испуганное бѣдное животное съ трудомъ могло выбраться на берегъ.

Къ четыремъ часамъ вечера мы подъѣхали къ Пекему. Раньше мнѣ все казалось почему-то, что Пекемъ нѣчто въ родѣ столицы горъ, большое живописное мѣсто, украшенное садами, среди роскошной зелени и красивыхъ каскадовъ воды. Но, къ моему удивленію, ничего подобнаго не оказалось. Это одно изъ самыхъ некрасивыхъ и убогихъ горныхъ селеній; противъ обыкновенія въ жаркихъ климатахъ, оно не имѣло садовъ, находилось на совершенно открытомъ мѣстѣ и ничѣмъ не защищено отъ палящаго солнца.

Много сартовъ, которые, какъ оказалось, видѣли русскихъ только второй разъ и, конечно, въ первый разъ русскихъ женщинъ, вышли намъ навстрѣчу. Аксакаль селенія провелъ насъ на широкую открытую площадь, поросшую только низкою травой; вокругъ, кромѣ высокихъ горъ съ снѣжными вершинами до голубого неба, ничего не было видно. Но, не смотря на наружныя неудобства и бѣдность, здѣсь была роскошь въ инѣмъ: лошадей подковали и угостили ячменемъ, намъ принесли куръ, коровьяго и козьяго молока, масла, яицъ... Словомъ, жить было весело, привольно!..

Противъ нашихъ палатокъ возвышался одинъ изъ огромныхъ переваловъ, который предстояло намъ пройти на обратномъ пути.

— Не страшно вамъ видя такую вышину?—спросили наши спутники, указывая на вершины, бѣлѣющіяся подъ облаками.

— Страшно? Нѣтъ. Кромѣ самаго горячаго желанія идти туда, я ничего не испытываю. Скорѣе бы только двинуться...

— Но можетъ случиться, что тамъ советѣмъ нѣтъ дороги и такая крутизна, что верхомъ ѣхать нельзя и нужно будетъ пробираться пѣшкомъ по снѣгу, въ холодъ, а если застигнетъ буранъ—и ночевать въ сугробахъ,—говорилъ Николай Михайловичъ серьезно, желая испытать нашу рѣшительность.— Неудобства и опасности только теперь начинаются, такъ какъ до этого селенія дорога была извѣстная, теперь-же, Богъ знаетъ, куда придется попасть, и мы, быть можетъ, принуждены будемъ прокладывать себѣ путь своими руками.

Слова эти оказались пророчески вѣрными, но они не только не испугали меня, но, наоборотъ, возбудили еще сильнѣе желаніе идти впередъ узнавать, разыскивать, прорубать и все идти и идти... Неизвѣстность казалась мнѣ привлекательною и давала новый, болѣе живой интересъ этой опасной прогулкѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы слышали какой-то необыкновенный крикъ, смѣшанный съ возгласами и смѣхомъ.

Выглянувши изъ палатки, мы увидѣли толпу, составлявшую кругъ, въ которомъ боролись сартъ съ казакомъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось видѣть такую оригинальную сартскую борьбу.

Противники обхватывали другъ друга поперекъ корпуса и, нагнувшись почти до земли, чѣмъ напоминали двухъ бодающихся быковъ, долго, безмолвно покачиваясь, двигались по кругу, пока внезапно одинъ изъ нихъ ловкимъ движеніемъ не приподымалъ на воздухъ другого, сбивалъ его ногой и бросалъ на землю... За этимъ начинался общій гамъ смѣшанныхъ голосовъ, полнѣйшій безпорядокъ: бросались на побѣдителя и поднимали его съ триумфомъ на рукахъ.

Аксакалъ вошелъ вполнѣ въ свою роль и съ важнымъ озабоченнымъ видомъ водворялъ порядокъ, устанавливалъ и расширялъ кругъ, а не въ мѣру кричащихъ просто билъ, дѣтей отгонялъ и т. д. Окончившіе борьбу тотчасъ смѣнялись другими. Такъ какъ два послѣдніе раза наши побѣждали сартовъ, на видъ гораздо сильнѣе себя, то на вышедшаго очень маленькаго и тщедушнаго казачка вытолкнули изъ толпы настоящаго голіафа. Долго они водили другъ друга, тихо, равномерно покачиваясь, какъ бы равнодушно и безъ всякаго задняго умысла, какъ вдругъ голіафъ однимъ взмахомъ вскинулъ противника на воздухъ и готовъ былъ уже бросить съ торжествомъ на землю, но тотъ, вцѣпившись крѣпко, потянулъ его за собой, и оба грохнулись.

Съ крикомъ кинулись сарты подымать великана, за которымъ во всякомъ случаѣ осталась побѣда. Тогда на сцену вышелъ другой, также небольшого роста, но ловкій, широкоплечій, съ бойкимъ лицомъ казакъ. Онъ вызвалъ самъ побѣдителя и, въ ожиданіи борьбы, засучилъ рукава. Темнѣло, и его сѣрая фигура едва виднѣлась, тогда какъ сартъ противникъ, весь въ бѣломъ, обозначался яркимъ пятномъ среди толпы.

— Ну Яшка, не ударь лицомъ въ грязь!—раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

Яшка только самодовольно потираетъ руки. Голіафъ откинулъ длинные рукава рубашки и раскрылъ свои широкія объятія. Обнялись и пошли...

Но вотъ одинъ толчокъ, другой, казакъ точно поднялся на воздухъ; потомъ упалъ, и всѣ съ крикомъ кинулись къ нему, но, къ изумленію, увидѣли, что великанъ лежалъ подъ казакомъ.

Несмотря на грозное маханіе нагайки аксакала, крику не было конца, и порядокъ долго не водворялся. Наконецъ, кругъ расширился, и сконфуженный сартъ вызвалъ въ свою очередь того же казака.

Яшка снова потираетъ руки и становится молодецки въ позу. Обнялись. Всѣ, притаивши дыханіе, слѣдили за каждымъ движеніемъ и равномернымъ покачиваньемъ ихъ тѣлъ. Вдругъ казакъ снова взлетѣлъ на воздухъ, началась борьба, и когда противники грохнулись на землю, то Яшка опять очутился на груди голіафа.

Всѣ въ неудомѣніи!

— Молодецъ, молодецъ! — съ восторгомъ закричали русскіе, хлопая въ ладоши.

Наконецъ, совсѣмъ стемнѣло, мы пошли обѣдать, и забава прекратилась.

Вечеромъ пригласили аксакала, чтобы разпросить его о дорогѣ на Май-данъ-Талъ. Начались переговоры черезъ переводчика. Послѣ долгихъ объяс-

нений и шумного спора, мы, къ ужасу нашему, узнали, что мосты черезъ двѣ главныя рѣки снесены весенними потоками, и что дороги и броды уничтожены обвалами.

Множество сартовъ вступило въ разговоръ, и начались горячія пренія. Николай Михайловичъ не хотѣлъ допустить подобной непріятности. Онъ сталъ разспрашивать на всѣ лады, думая найти какой-нибудь исходъ. Но нѣтъ, всѣ говорили одно и то же, всѣ сказали, что въ этомъ роду пройти туда нельзя.

— Что дѣлать, какъ вы думаете? — спросилъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Мнѣ кажется, отвѣтила я, — слѣдуетъ поѣхать и разузнать самимъ дорогу. Можетъ быть, не такъ страшно будетъ, какъ говорятъ. Во всякомъ случаѣ, попытка намъ не будетъ стоить ничего.

— Да, я думаю то же; тѣмъ болѣе, что этому народу довѣрять нельзя и добиться истины отъ нихъ чрезвычайно трудно. — Сказавъ это, капитанъ приказалъ ахсакалу доставить опытнаго проводника.

На другой день, послѣ чая, собрались на рекогносцировку. Палатки, выючныя лошади и нѣсколько казаковъ остались на мѣстѣ. Мы же съ проводникомъ, которому дали одну изъ нашихъ лошадей, выѣхали изъ селенія.

Саидъ-Магометъ, какъ звали нашего вожака, или мергенъ (стрѣлокъ, охотникъ), имѣлъ за спиной первобытное, длинное кремневое ружье съ рогатиной. Это вооруженіе, ужасное рубище, едва державшееся на его исхудалыхъ плечахъ, лапти на обернутыхъ тряпками ногахъ, остроконечная, треугольная, войлочная шляпа, — придавали ему дикій, страшный видъ, но тѣмъ не менѣе, онъ казался чрезвычайно добродушнымъ, съ дѣтски-улыбающимися добрыми глазами.

Онъ ѣхалъ впереди, оборачиваясь отъ времени до времени, и съ улыбкой разсказывалъ достопримѣчательности этихъ мѣстъ.

Слѣва узкой и каменистой дорожки, по которой мы шли, подымались величественныя и суровыя скалы, съ огромными, нависшими, какъ бы едва державшимися надъ нашими головами, глыбами, справа тянулся обрывистый берегъ рѣки Пекемъ, которая съ рѣвомъ и бѣшенствомъ катила свои кипящія волны. Все это было покрыто рѣдкими кустарниками и деревьями, оживлявшими слегка непривѣтливый колоритъ мѣстности. Подъѣзжая, къ огромному, тѣнистому дереву на краю гигантской скалы, мергенъ, повернувшись ко мнѣ и указывая на его вершину, началъ по таджикски что-то разсказывать. Я поняла только, что на немъ или подъ нимъ много чего-то водится, но чего, никакъ разобрать не могла. Нѣсколько разъ онъ повторялъ, и мнѣ показалось, что онъ говорилъ о дикихъ кабанахъ.

— Слышите, господа, — сказала я, поворачиваясь на сѣдлѣ къ спутникамъ, которые длинной вереницей медленно спускались по узкой тропинкѣ, — слышите, мергенъ говоритъ, что здѣсь есть кабаны.

— Кабаны, кабаны! — раздалось, точно эхо, переходя отъ одного къ другому.

Иванъ Павловичъ, какъ главный охотникъ, съ казакомъ поднялись на гору и, опередивъ всѣхъ, спустились къ мергеню.

— Спроси, въ какомъ именно мѣстѣ они живутъ? — сказалъ г. И — въ.

Казаки-переводчики началъ разспрашивать. Послѣ долгихъ переговоровъ онъ, по всѣмъ правиламъ военной дисциплины, держа руку подъ козырекъ, сказалъ: „Мергенъ говоритъ, что на этомъ самомъ деревѣ много кабаньихъ гнѣздъ“.

Какъ? Кабаньихъ гнѣздъ?! Мы всѣ засмѣялись. Казаки смутились и снова стали разспрашивать.

— Точно такъ, мергенъ говоритъ, что гнѣзда ихъ здѣсь.

— Да ты, братецъ, спроси хорошенько: чьи гнѣзда? такъ какъ кабанамъ трудно порхать по вѣткамъ.

Мы смѣялись, а казаки все больше и больше смущались.

— Мергенъ говоритъ, ваше благородіе, что на деревѣ много дикихъ голубей. Вотъ это совсѣмъ иное...

Дѣйствительно, въ эту минуту цѣлая стая птицъ, величиной съ небольшую курицу, поднялась надъ деревомъ и исчезла за скалой.

Спустившись внизъ и перейдя по мосту на другую сторону Пскема, мы стали взбираться снова вверхъ. Чѣмъ подымались выше, тѣмъ мѣстность становилась живописнѣе и веселѣе. Огромныя арчи (родъ туи) съ смолистымъ запахомъ бросали тѣнь, давая освѣжительную прохладу. Часто приходилось намъ низко наклоняться и слѣзать даже съ лошадей, чтобы пройти подъ ихъ широкими вѣтвями, загораживающими дорожку, которая то спускалась, то поднималась надъ самымъ обрывомъ въ кипучей рѣкѣ. Какъ хорошо и привольно вокругъ! Здѣсь видишь только одну природу, чувствуешь себя такъ близко къ ней, какъ къ чему-то родному, прекрасному, что смотреть на тебя, улыбаются такою свѣтлою, привѣтливой улыбкой, вызывающе невольно чувство радости и довольства! И вся суета, всѣ невзгоды кажутся здѣсь такими непонятными и далекими, что, право хочется, сказать: „О, люди, люди, взгляните на Божій міръ, какъ въ немъ все прекрасно, стройно, чисто, и вы поймете, что счастья нужно искать не среди толпы и шума, а среди величественной могучей природы, которая производитъ такое глубокое и сильное впечатлѣніе на сердце человѣка; она его успокоиваетъ, она его веселитъ, она вызываетъ лучшія чувства, она наводитъ на размышленія, она даетъ силу, энергію, развиваетъ фантазію, какъ главный источникъ поэзіи“.

И, дѣйствительно, мнѣ самой сдѣлалось такъ легко и весело. Я забыла о жизни, оставленной позади, и съ сердцемъ, полнымъ довольствія, глядя на крошечную птичку, сидящую на зеленой вѣткѣ надъ пропастью, зашла такъ, какъ шла сама моя душа.

Но вотъ дорожка кончилась, и мы очутились надъ крутизной бурокраснаго цвѣта, изрытой весенними потоками, усеянной гигантскими камнями, земляными глыбами и вывернутыми съ корнями деревьями. Все это имѣло грустный видъ мертвыхъ развалинъ, послѣ страшно бушующей, неудержимой стихіи.

Далеко внизу видѣлся воздушный, фантастическій необходимый намъ мостъ, прочность и достоинство котораго по дальности разстоянія нельзя было разглядѣть.

Здѣсь, какъ сказалъ мергенъ, въ прошломъ году былъ прекрасный спускъ

къ рѣкѣ, благодаря которому совершенно свободно переправляли въ бродъ лошадей, а по мосту проходили пѣшеходы. Теперь все это уже разрушено разливами и мѣсто стало заброшеннымъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, Николай Михайловичъ рѣшилъ сойти внизъ и лично осмотрѣть все въ подробности. Мы остались наверху, въ ожиданіи условнаго сигнала, въ случаѣ если мостъ окажется достаточно прочнымъ для переправы нашего обоза.

Спускъ былъ отчаянный. Земля и камни постоянно обрывались изъ-подъ ногъ и скатывались съ шумомъ въ рѣку. На отвѣсныхъ мѣстахъ приходилось цѣпляться, за корни, траву, камни, словомъ, за все, что попадалось подъ руку, чтобы самому съ обломками не скатиться туда же.

Мы слѣдили за всѣми движеніями капитана и въ восторгѣ замахали платками, когда увидѣли его благополучно у моста.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ, карабкаясь, поднялся на возвышеніе, которое, какъ мы впослѣдствіи и сами убѣдились, раздѣляло мостъ на двѣ половины, и вскорѣ показался по другую сторону рѣки на обрывистой и каменной горѣ, круто подымавшейся надъ мостомъ, но ожидаемаго сигнала все не было. Такимъ же порядкомъ капитанъ сталъ переправляться и подыматься къ намъ и съ грустью объявилъ, что мостъ невозможный, опасный даже для одного человѣка, и что брода нигдѣ нѣтъ.

Итакъ пришлось идти назадъ и придумывать иной путь или совсѣмъ возвращаться по домамъ.

По дорогѣ мергенъ разсказалъ намъ, что въ этомъ ущельѣ, которое называется Кара-Кызъ (черная дѣвушка), водятся тигры, и что онъ лично въ прошломъ году убилъ одного изъ нихъ и продалъ аксакалу за восемь рублей. Онъ говорилъ объ этой охотѣ и объ опасности, которой подвергался съ дѣтскимъ восторгомъ. Глаза его искрились, и лучезарная улыбка такъ и сіяла на его добродушномъ лицѣ.

Не доѣзжая двухъ верстъ до Пскема, мы расположились въ хорошенькой рощицѣ напиться чаю и отдохнуть, пока уменьшится дневной жаръ, такъ какъ въ самомъ селеніи не было ни одного порядочнаго дерева, подъ которымъ можно было бы укрыться отъ палящаго солнца.

Положивъ подъ голову мою войлочную шапку, подъ монотонный гулъ рѣки и тихій шелестъ вѣтерка, утомленная, я заснула. Когда меня разбудили, солнце уже начало садиться и вѣяло вечернею прохладой.

Всѣ были готовы къ отъѣзду, и я поспѣшила также сѣсть на сѣдло. Къ шести часамъ мы были въ Пскемѣ; отъ скуки, пока приготовлялся обѣдъ, мы придумали снова развлеченіе и предложили сартамъ, нашимъ неотлучнымъ посѣтителемъ, собрать дѣтей и устроить бѣгъ на призы.

Нѣкоторые, услышавъ это, почему-то испугались и вмѣстѣ съ дѣтьми постыдно бѣжали и скрылись по своимъ лачугамъ; другіе приняли предложеніе и охотно стали содѣйствовать сбору мальчиковъ, которыхъ въ одну минуту набралось болѣе пятнадцати. Когда обозначили мѣсто, гдѣ должны были оста-

навливаясь, Иванъ Павловичъ повелъ всю босоногую компанію туда, откуда долженъ былъ начаться бѣгъ.

Аксакалъ снова вошелъ въ свою роль и водворилъ порядокъ, уставивъ всѣхъ съ двухъ сторонъ шпалерами. Но любопытство сартовъ было въ высшей степени возбуждено, и въ бездѣйствіи долго оставаться имъ было не подъ силу.

Они кричали, смѣялись, спорили, выскакивая на середину дороги, чтобы лучше видѣть удаляющихся дѣтей.

Вдругъ восторженный гулъ пронесся въ толпѣ: „бѣгутъ, бѣгутъ!“ Дѣйствительно, на холмѣ, который какъ бы сливался съ горизонтомъ, появилась бѣлая полоска, приближавшаяся къ намъ съ удивительною быстротой.

Всѣ точно притаили дыханіе, и только изрѣдка, когда одинъ изъ бѣгущихъ сбивался въ сторону, падалъ или, отставши, совсѣмъ уходилъ съ дороги, — то отчаянные, то насмѣшливые возгласы нарушали царствовавшую тишину...

Трехъ первыхъ, раскраснѣвшихъ отъ усталости, мальчиковъ, остановили съ такими воплями, какъ будто все селеніе, сломя голову, пошло въ атаку на непріятеля; ихъ окружили, толкали, разспрашивали, и до нихъ трудно было бы добраться, если бы родственники не вытолкнули героевъ изъ толпы за полученіемъ призовъ. Глаза восторженно горѣли, счастливыя улыбки сіяли на лицахъ при видѣ серебряныхъ монетъ, которыя изъ рукъ дѣтей тотчасъ перешли къ старшимъ.

Чтобъ не было обидно совсѣмъ маленькимъ, очень усерднымъ, но отставшимъ по безсилію, мы собрали дѣтей, начиная съ пятилѣтняго возраста и пустили ихъ на болѣе короткое разстояніе. Красные, едва переводящіе духъ, явились они почти одновременно и тотчасъ же весело протянули руки за наградой. Мы одѣлили всѣхъ мелкою монетою, чѣмъ привели въ неописанный восторгъ не только получателей, но и всѣхъ присутствующихъ.

Ужъ было совсѣмъ темно, когда насъ позвали обѣдать. Во время ѣды возобновились разговоры о путешествіи и объ отысканіи новаго пути.

Послѣ долгихъ разговоровъ съ сартами, которые неотступно насъ окружали, мы, наконецъ, узнали, что дорога по другую сторону рѣки существовала, что въ прошломъ году вверхъ по рѣкѣ былъ другой хорошій мостъ, но что онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣднею весной снесенъ, какъ и всѣ другіе. Ухватившись за неясную надежду, капитанъ рѣшился на другой же день узнать лично обо всемъ этомъ. Его энергія тѣмъ болѣе усилилась, когда онъ заручился нашимъ согласіемъ идти за нимъ и испробовать всѣ возможные средства, прежде чѣмъ отказаться отъ главной цѣли предпріятія.

Рано утромъ, въ полномъ составѣ покинули мы селеніе и, перебравшись на лѣвый берегъ Пекема, тотчасъ стали подыматься по крутой, но мягкой и удобной дорожкѣ, имѣя во главѣ мергеня, который, шагая быстрѣе нашихъ лошадей, шелъ съ удивительною легкостью пѣшкомъ. Поднявшись на вершину горы, мы очутились на широкой и ровной плоскости, покрытой высокою травой. Дорога была въ высшей степени пріятная, и лошади шли бодро.

Достигнув такимъ образомъ праваго притока Пскема—рѣчки Ана-Ульчанъ (мать умерла), которую приходилось переѣзжать въ бродъ, мы остановились напиться чаю и дать отдохнуть немного проводнику и лошадямъ.

Пока грѣлись чайники, всѣ занялись спусканіемъ большихъ камней въ воду, которая поглощала ихъ съ какою-то свирѣною жадностью, съ грохотомъ унося гигантовъ по своему каменистому непривѣтливому руслу. Намъ, дамъ, это очень занимало; поэтому наши спутники съ помощью казаковъ долго еще сбрасывали глыбы самыхъ ужасающихъ размѣровъ, которыя, несмотря на величину, съ суровымъ, угрожающимъ гуломъ все такъ же быстро уносились могучею пѣнистою волной.

Когда принесли чай и разложили на коврѣ съѣстные припасы, мергенъ, усѣвшись съ нами въ кружокъ, первый принялся закусывать. Увидѣвъ такую безцеремонность, мы засмѣялись, онъ также улыбнулся, но, не конфузясь, продолжалъ разжевывать бѣлый хлѣбъ, запивая горячимъ чаемъ. Его манеры и поступки были спокойны, какъ будто онъ другихъ отношеній не понималъ, но, несмотря на это, ѣлъ и пилъ настолько умѣренно, что приходилось его угощать.

Впослѣдствіи мы такъ привыкли къ его присутствію во время закусокъ, что, если случалось онъ почему-либо запаздывать, тотчасъ кто нибудь изъ насъ задавалъ вопросъ: „А гдѣ-же мергенъ?“ и мергенъ являлся на зовъ съ сіяющею улыбкой, предвкусывая заранѣе вкусную ѣду.

Съ удовольствіемъ продолжали мы путь, заинтересованные предстоящимъ мостомъ, который, нѣкоторымъ образомъ, рѣшалъ нашу судьбу. Перейдя благополучно рѣчку, намъ пришлось снова подниматься по крутой, узкой и каменистой тропинкѣ, гдѣ лошади то и дѣло срывались и скользили вмѣстѣ съ камнями внизъ. Какъ ни было опасно и неудобно на нашихъ сѣдлахъ, мы не рѣшались ихъ покинуть, такъ какъ идти пѣшкомъ было слишкомъ тяжело и затруднительно. Но все это оказалось ничто въ сравненіи съ представившимся нашимъ изумленнымъ глазамъ крутымъ спускомъ. Гора обрывалась къ едва виднѣющейся внизу кипучей рѣкѣ и была покрыта мелкою осыпью (мелкими, камнями, нанесенными весенними потоками), скрывающей даже признакъ дороги. Острые камни, выступающіе наружу, царапали ноги бѣднымъ животнымъ, затрудняя и безъ того ужасный переходъ. Удивительно, съ какимъ сознаніемъ они искали опоры, съ какой почти человѣческой заботливостью осматривали мѣсто, раньше чѣмъ рѣшиться ступить впередъ. Но, несмотря на всю ихъ осторожность, они непрерывно скользили то передними, то задними ногами и, остановившись, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ какою-то тупою покорностью, точно испуганными глазами, заглядывали, какъ бы измѣряя чернѣющую подъ ними пропасть. Наконецъ, держаться на сѣдлѣ стало совершенно невозможно такъ какъ камни, потревоженные лошадьми, начали скатываться на насъ. Выступы, ямы и едва держащіяся на скатѣ, глинистыя глыбы загораживали положительно намъ путь. Лошади становились нерѣдко совершенно втупикъ и иногда съ большимъ рискомъ перескакивали препятствія или, взобравшись на большой камень, съѣзжали съ него на заднихъ ногахъ. Мы шли за ними и

почти буквально подражали ихъ движеніямъ. Такой спускъ тянулся болѣе трехъ верстъ. Мы задыхались отъ утомленія. Обувь и ноги наши пострадали ужасно. Но все это было бы ничего, если бы мы были увѣрены, что желанный мостъ окажется удобопроходимымъ и что возвращаться намъ не придется. Объ этомъ даже страшно было подумать, такъ какъ, казалось, подняться обратно было невозможно.

— О теперь я не боюсь никакой дороги,—сказала я горделиво,—такъ какъ навѣрно хуже пройденной невозможно найти.—Но не позже того же дня мнѣ пришлось убѣдиться въ противномъ.

Что за восторгъ! Издали еще мы увидѣли черезъ рѣку Искемъ не только цѣлый, но даже новый мостъ, хотя восторгъ нашъ тотчасъ охладѣлъ, когда мы подошли къ нему ближе. Мостъ былъ дѣйствительно новый, но состоялъ изъ двухъ длинныхъ, тонкихъ жердей, перекинутыхъ съ одного берега на другой, середина между которыми, аршина въ полтора шириной, была скрѣплена переплетеннымъ и набросаннымъ на живую руку хворостомъ. Надъ ревущою въ глубокой пропасти пучиной такой нѣсколько-саженный животрепещущій мостъ казался узкою полоской, какъ бы висящею въ воздухѣ. За нимъ разстилалась широкая долина съ разбросанными по ней киргизскими юртами и пасущимися стадами. Остановившись передъ мостомъ, мы безмолвно переглянулись съ капитаномъ.

— Что Николай Михайловичъ? мостъ вѣдь новый, цѣлый, а неизвѣстно, выдержитъ ли человѣка, не говоря уже о вьючномъ животномъ?—сказала я съ грустью.

— Да, не знаю... одно можно сказать, что онъ опасенъ!.. Какъ быть и не придумамъ!..

Когда капитанъ съ озабоченнымъ видомъ осматривалъ воздушную дорожку, между казаками и моею прислугой шелъ оживленный разговоръ. Казаки махали отчаянно руками, говоря, что пройти невозможно, и что никто не рѣшится ломать себѣ шею. Голосъ моего джигита вызывался надъ шумомъ, и онъ задорнымъ, точно у раздраженной собаченки, голосомъ кричалъ, что они трусы, и онъ имъ тотчасъ же это докажетъ. И, дѣйствительно, не задумываясь ни минуты, онъ спустился къ мосту и хотя не совсемъ ровными, но быстрыми шагами двинулся впередъ. Мостъ подался книзу и при каждомъ его шагѣ дрожалъ, колебался, трепеталъ, какъ бы содрогаясь и въ то же время удивляясь дерзости и смѣлости спустившагося на него такую твердую ногой. Чѣмъ ближе онъ подвигался къ серединѣ, тѣмъ мостъ все сильнѣе трепеталъ и опускался книзу. Всѣ, затаивши дыханіе, слѣдили за смѣлчачкомъ, и ни одного звука не слышалось среди оторопѣвшей толпы. Когда же мостъ изобразилъ изъ себя родъ гамака, неравномѣрно покачиваясь сверху внизъ надъ зіяющею бездною, я невольно закрыла глаза, сдерживая учащенное бѣненіе сердца. Нѣсколько секундъ длилось еще такое молчаніе, затѣмъ радостные крики заставили меня открыть глаза, и я увидѣла торжествующаго Мадалея на другомъ берегу. Онъ махалъ руками, видимо уговаривая и поощряя насъ къ переправѣ. Вторымъ послѣдовалъ нашъ мергенъ. Снова тиши-

на воцарилась, и напряженное вниманіе виднѣлось на лицѣ каждаго изъ присутствующихъ. Капитанъ былъ сосредоточенъ, и волненіе ясно отражалось въ его глазахъ. Когда же и проводникъ очутился вмѣстѣ съ джигитомъ, онъ набожно перекрестился, а мадемуазель К. радостно захлопала въ ладоши и сказала, что сейчасъ пойдетъ за ними. Черезъ нѣсколько секундъ она также неровными шагами по колеблющемуся мосту благополучно достигла желаннаго берега. За шумомъ воды ничего нельзя было слышать, что она кричала, хотя, видно, изо всѣхъ силъ старалась что-то объяснить.

— Что же, Николай Михайловичъ, теперь моя очередь? Видно, что мостъ достаточно крѣпокъ, чтобы выдержать тяжесть одного человѣка, хотя я сознаюсь, что боюсь идти одна, такъ какъ не могу смотрѣть внизъ безъ головокруженія, даже безъ ужаснаго ощущенія, влекущаго меня въ пропасть...—Я упаду, я глубоко убѣждена, что не въ состояніи буду перейти безъ поддержки!

— Да я васъ и не пушу! Нѣтъ, нѣтъ, ужъ если пойдемъ, такъ вмѣстѣ, погибнемъ—такъ вмѣстѣ!—сказалъ капитанъ съ волненіемъ.—Но я думаю: не лучше ли возвратиться намъ назадъ и не рисковать?..

— Нѣтъ, никогда!—отвѣчала я.—Мнѣ кажется, больше шансовъ думать, что мостъ выдержавъ уже трехъ пѣшеходовъ, выдержитъ и двухъ вмѣстѣ. Пойдемте.

— Какъ прикажете!.. тогда я пойду впередъ и буду васъ держать.

Мы спустились внизъ. Шагъ, два—и мы на мосту. Хворостъ подъ ногами затрещалъ, и мостъ заколебался. Капитанъ крѣпко держалъ мою руку, а я, закрывъ тотчасъ же глаза, съ замирающимъ сердцемъ двинулась за нимъ. Шумъ и грохотъ воды и колеблющаяся нетвердая почва подъ ногами вдругъ заставили меня ощутить что-то невозможное. Мнѣ показалось, что мы летимъ уже въ пропасть, и обдавшая насъ сразу холодная и влажная струя воздуха представила моему воображенію уже близость воды, вслѣдствіе чего мои шаги стали невѣрными и колеблющимися, мостъ настолько задвигался, что капитанъ остановился и умоляющимъ голосомъ просилъ меня идти тверже и въ ногу.

— Нѣтъ, я ничего не понимаю, идите, идите впередъ!.. ради Бога, скорѣе!.. Я чувствовала, какъ мостъ опускается ниже и ниже, какъ хворостъ трещитъ, ломается, ноги попадаютъ въ отверстія, вода подъ нами грохочетъ, влажный воздухъ обдастъ съ ногъ до головы, и страшное пустое пространство ощущается всѣмъ тѣломъ, и невольно дыханіе спирается въ груди, и идти неловко, душно. Но вотъ послышались человѣческіе голоса, я различила крикъ француженки и голосъ Мададея... Открываю глаза—мы близко, но пропасть чернѣетъ. Мададей подъ мостомъ и показываетъ знакомъ, что онъ держится лишь на самыхъ кончикахъ и кричитъ „осторожнѣе!“ Я видѣла какъ капитанъ замахалъ ему рукой, требуя молчанія... Я снова закрываю глаза, и черезъ секунду меня подхватываютъ какія-то руки, и ноги мои ощущаютъ твердую почву.

Прежде всего мы всѣ перекрестились, а м-ль, увидѣвъ меня подлѣ себя, какъ безумная, бросилась сперва обнимать меня, а потомъ съ радостнымъ крикомъ начала вертѣть нашего мергенья, который, совсѣмъ ошалѣвъ отъ ея вос-

торга, наивно, по-дѣтски улыбался. Когда прошелъ первый взрывъ радости, мы увидѣли моего повара, который, блѣдный какъ смерть, съ опущенными глазами, опираясь вмѣсто палки на ружье, двигался медленно, осторожно, балансируя какъ по балкѣ. Переправившись не менѣе благополучно, чѣмъ мы, онъ вмѣсто изъясненія радости тяжело опустился на камень и закрылъ лицо руками. Я подошла къ нему и, дотронувшись до его плеча, сказала:

— Что, Дементій, страшно было?

— Охъ, барыня, ужъ и отчаянная же вы какая, страсти! вспомнить не могу, точно на погибель свою шель, ужъ коли бы вы не прошли, такъ я бы ни за что, ни за какія сокровища міра!.. А тутъ вижу, вы уже тамъ; ну, что дѣлать? не оставить же мнѣ васъ, и рѣшился... О, Господи, какія страсти, точно за наши грѣхи!.. Нѣтъ, барыня, только не ходите больше по такимъ мѣстамъ!.. Ну, увидѣлъ бы нашъ генералъ, такъ въ жизнь бы не пустилъ...

— Ничего, Дементій, мнѣ самой страшно было, зато теперь хорошо и весело.

— Да вамъ все весело,—какіе бы ни были ужасы!

Въ это время одинъ казакъ за другимъ стали переправляться. Капитанъ слѣдилъ съ видимымъ безпокойствомъ за каждымъ изъ нихъ, и каждый разъ при благополучномъ переходѣ вздохъ облегченія вырывался у него изъ груди.

— За людей, кажется, нечего безпокоиться,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—а вотъ лошади, и особенно вьючныя, неизвѣстно какъ перейдутъ.

— А знаете, Николай Михайловичъ, мнѣ кажется, если мостъ могъ выдержать столько пѣшеходовъ, выдержать и животныхъ. Взгляните, вѣдь онъ ничуть не испортился и не понизился.

— Дай Богъ! буду надѣяться, что ваша счастливая звѣзда, не покидающая васъ, будетъ покровительствовать и намъ!

Послѣдній казакъ, оставшійся на противоположномъ берегу, по знаку капитана, спустилъ на мостъ первую лошадь, которая, сдѣлавъ шага два, приостановилась, обнюхала подъ собой почву и затѣмъ осторожно двинулась впередъ. Когда же мостъ по срединѣ опустился очень низко, она снова остановилась, нагнула еще ниже голову, потомъ приподняла ногу, какъ бы намѣреваясь сдѣлать прыжокъ, но, не сдѣлавъ его, еще осторожнѣе зашагала впередъ. „Ура!“ закричали радостно все, когда животное очутилось между нами. Несмотря на видимую опасность, одна лошадь за другой переправились совершенно благополучно. Особенно страшно было смотрѣть на вьючныхъ, которыя, дрожа всемъ тѣломъ, едва передвигали ноги; только послѣдняя лошадь, принадлежавшая оставшему казаку, вдругъ, какъ бы въ нетерпѣніи, не дождавшись минуты отхода, бросилась на мостъ и почти въ карьеръ по ломавшемуся и прыгающему мосту очутилась на нашемъ берегу. Крикъ ужаса вырвался у многихъ при видѣ ея неосторожности, затѣмъ дружный смѣхъ и остроты слышались въ толпѣ. Такимъ образомъ, мы не только безъ приключеній, но совершенно благополучно очутились на правомъ берегу Пскема и отдыхали на камняхъ отъ пережитого волненія и пройденной дороги. Черезъ двадцать ми-

нутъ послѣ переправы, мы уже были на лошадяхъ, продолжая путешествіе. Передъ нами разстилалась гладкая равнина, и версты черезъ четыре мы подъѣхали къ большому киргизскому аулу.

— Какъ вы думаете,—обратился ко мнѣ капитанъ,—не остановиться ли намъ здѣсь на ночлегъ, или проѣхать еще немного? Теперь только два часа пополудни.

— Конечно, ѣхать, еще для остановки слишкомъ рано, и мы достаточно бодры. Не правда-ли?

— Прекрасно, только, я думаю, слѣдуетъ заказать въ аулѣ молока, такъ какъ наша провизія очень оскудѣла.

— Конечно.

Мы подъѣхали къ кибиткамъ, откуда высыпало множество киргизъ, киргизокъ и дѣтей, которые окружили насъ почти сплошною стѣной. На вопросъ имѣтъ ли у нихъ молока, они отвѣтили, что нѣтъ. Это, конечно, было очень печально. Но вдругъ изъ толпы выдѣлился молодой киргизъ и почти чистымъ русскимъ языкомъ спросилъ: что намъ угодно? Капитанъ объяснилъ ему, что такъ какъ намъ еще рано останавливаться на ночлегъ, то мы хотимъ проѣхать еще версты четыре, куда желали бы, чтобъ намъ принесли молока.

Киргизъ отвѣтилъ, что молоко онъ непременно принесетъ самъ, чтобы мы были спокойны. По разспросамъ оказалось, что киргизъ этотъ пріѣхалъ изъ Ташкента сюда жениться и черезъ нѣсколько дней будетъ его свадьба.

Мы дали задатокъ и, распрощавшись, продолжали путь. Намъ пришлось переѣзжать еще одинъ ветхій полуизломанный мостъ, который лежалъ наполовину въ водѣ кипучей пѣнистой рѣки. Но мы почти не обратили на него вниманія и бодро стали подыматься на гору. Берега рѣки, кирпично-краснаго цвѣта, были необыкновенно живописны, и мы, любуясь ими, не замѣтили, какъ надъ нами надвинулись тучи, вскорѣ подулъ прохладный вѣтеръ, и началъ накрапывать мелкій дождь. За неимѣніемъ подъ руками ничего теплаго, капитанъ накинулъ на меня свое верблюжьяго сукна пальто, отлично защищавшее меня отъ холода, а м-ль К. надѣла непромокаемый клеенчатый плащъ, который при всякомъ порывѣ вѣтра раздувался пузыремъ, дѣлая ея фигуру очень забавною, отчего мы невольно смѣялись, особенно когда она дѣлала при этомъ забавные жесты, говоря на самомъ невозможномъ русскомъ діалектѣ. Но скоро нашъ смѣхъ превратился чуть не въ слезы, когда мы, спустившись, очутились въ пространствѣ мертвыхъ руинъ. Вся мѣстность была покрыта какъ бы вывернутыми изъ нѣдръ земли каменными глыбами самыхъ разнообразныхъ формъ, острія которыхъ дѣлали почти совершенно невозможнымъ дальнѣйшій переходъ. Всякій слѣдъ дорожки исчезалъ, и лошади, стараясь ставить ногу на болѣе удобное мѣсто, скользили, падали, царапая и ранив себя до крови. Слѣзть и идти пѣшкомъ также было невозможно, а тутъ дождь все усиливался и крупными каплями брызгалъ въ лицо, и холодный вѣтеръ продувалъ насквозь промокшихъ, тянувшихся длинною вереницей, угрюмыхъ всадниковъ. Несмотря на все это, мы должны были двигаться.

Хотя въ этомъ переходѣ не было почти никакой опасности для человѣка, какъ это было при спускѣ къ первому мосту, но зато несказанно труднѣе и мучительнѣе было для лошадей, которыя положительно выбивались изъ силъ и задыхались.

Но вотъ среди нашего печальнаго шествія неожиданно мы встрѣтили другой, болѣе веселый и бодрый караванъ, впереди котораго ѣхалъ почтенный, хорошо одѣтый, видимо богатый киргизъ, окруженный довольно большою свитой. Перовнявшись съ нами, они остановились и, несмотря на дождь, сняли свои войлочные шапки и еще въ знакъ особаго почтенія приложили руки къ сердцу. Затѣмъ ѣхавшій впереди спросилъ, откуда и куда мы ѣдемъ, и, узнавъ что на Майданъ-талъ, поклонился еще разъ и сказалъ: „Тамъ мои кибитки и все семейство, заходите прямо ко мнѣ и скажите, что Махметъ-Али приказалъ зарѣзать барана въ честь дорогихъ гостей. Самъ же я ѣду на богомолье и вернусь еще не скоро“.

Поговоривъ еще не много о предстоящей намъ дорогѣ и не узнавъ ничего особенно утѣшительнаго, мы разѣхались и продолжали нашъ тяжелый путь. Дорога приблизилась къ рѣкѣ, шумъ которой заглушалъ все посторонніе звуки. Чѣмъ дальше, тѣмъ мѣстность становилась хуже и хуже. Нигдѣ ни кустика, ни травки—повсюду скалы да нагроможденные камни. А между тѣмъ, нужно было подумать о бѣдныхъ животныхъ, которыя почти все время въ дорогѣ питались только однимъ подножнымъ кормомъ.

Вдругъ, откуда ни возмись, выскочила собака и бросилась на насъ. Ея лай точно ободрилъ насъ, принесъ надежду на близость какого-нибудь жилья. Вслѣдъ за собакой показался верховой киргизъ, которому сдѣлали знакъ приблизиться. Подойдя, онъ сказалъ, что аула поблизости нѣтъ нигдѣ, и только ихъ стада пасутся высоко по горамъ по ту сторону рѣки, что подножнаго корма также здѣсь нельзя найти, хотя недалеко отсюда есть маленькая долина, покрытая травой.

— Веди насъ, ради Бога, въ эту долину. Да не можешь ли отъ своихъ стадъ удѣлить намъ немного молока? сказалъ обрадованный капитанъ.

То и другое съ добродушіемъ и услужливостью киргизъ согласился исполнить. Несмотря на то, что уже почти смеркалось и дождь все моросилъ, и холодный вѣтеръ съ воемъ проносился надъ нами,—на душѣ стало какъ-то свѣтло и даже весело. По другую сторону, почти на равной высотѣ съ нами, лежалъ уже большими, отдѣльными пластами снѣгъ, видъ котораго, вмѣстѣ со всею остальною обстановкой, какъ-бы переносилъ въ совершенно иной, далекий отъ теплаго родного уголка, міръ, гдѣ во всемъ чувствовалось что-то новое, еще невиданное. Слѣдуя за нашимъ новымъ проводникомъ, намъ пришлось проѣзжать въ бродъ много рѣчекъ и ручьевъ, пока дѣйствительно, показавшись издали какая-то трава, которая съ каждымъ шагомъ дѣлалась все выше и гуще. Все обрадовались, увидя такую роскошную зелень, но оказалось, что это былъ конскій щавель, котораго лошади не ѣдятъ. Дѣлать было нечего, мы все-таки должны были остановиться, такъ какъ почти уже совсѣмъ стемнѣло и м-ль К. въ своемъ непромокаемомъ manteau промокла почти до костей.

Покинувъ наши сѣдла, мы очутились въ совершенной сырости, при чемъ холодный порывистый вѣтеръ сковывалъ члены.

Когда разставили палатки, моя компаньонка вошла въ одну изъ нихъ, чтобъ переодѣться, а я со своими спутниками укрылась въ другой.

Какимъ блаженствомъ представлялась намъ возможность развести костеръ и при его свѣтѣ закусить и напиться чаю! Но увы, въ этомъ мѣстѣ, кромѣ негодной травы, не было ни деревца, ни кустика, пригоднаго для топлива, а въ нашихъ съѣстныхъ припасахъ уже не оказалось ничего такого, что можно было бы ѣсть безъ приготовленія. Положеніе становилось тѣмъ болѣе печальнымъ, что голодъ давалъ уже себя порядочно чувствовать, а на молоко мы тоже рассчитывать не могли, такъ какъ слишкомъ удалились отъ ауловъ.

Бѣдный мергенъ, озябшій и утомленный болѣе всѣхъ, не терялъ однако надежды согрѣться и добровольно отправился въ горы за поискомъ дровъ. Капитанъ, не надѣясь на удачный исходъ его предпріятія, послалъ еще казака, который, вооружившись топоромъ, также охотно пошелъ въ противоположную сторону.

Въ ожиданіи ихъ мы сидѣли на коврахъ, поджавши ноги и кутаясь въ шубы, стараясь шутками поддерживать въ себѣ бодрость духа. Но, потерявъ надежду увидѣть не только дрова, но и самихъ искателей, я велѣла приготовить постели, и ужъ въ то время, когда собиралась спать на голодный желудокъ, говоря со смѣхомъ, что намъ всѣмъ непременно должны присниться цыгане, увидѣла, какъ чудное видѣніе, нашего мергена съ охапкой сухихъ корней за спиной.

О радость, о восторгъ! Мы чуть не обіяли нашего благодѣтеля, который только радостно улыбался, предвкушая также стаканъ горячаго чаю.

Когда веселый огонекъ запылалъ, чайникъ зашипѣлъ, и мы, усѣвшись у привѣтливаго веселаго костра, отогрѣвали окоченѣвшія руки, къ намъ совѣмъ неожиданно подошло нѣсколько человекъ киргизовъ. Робко кланяясь, они предложили намъ купить только что пришибленнаго свалившимся съ горы каменъ барана, котораго они еще успѣли живого прирѣзать и тотчасъ притащить къ намъ. Дѣйствительно, огромный и жирный баранъ, положенный передъ нами, былъ еще теплый, и мы, конечно, не задумываясь, заплатили за него спрошенныя 80 копѣекъ и тотчасъ отдали въ распоряженіе повара. Не успѣли мы еще расплатиться съ ними, какъ, къ великому нашему изумленію, явились съ разныхъ сторонъ сдержавшіе слово оба киргиза и, хотя поздно, но принесли обѣщанное и столь желанное молоко. Видно, Богъ заботился о насъ, несчастныхъ путникахъ и послѣ столькихъ лишеній и невзгодъ, пережитыхъ въ этотъ одинъ день, послалъ намъ такой прекрасный подкрѣпляющій ужинъ.

Всѣ мы были въ восторгѣ, говорили, смѣялись, и не замѣтили, какъ съ первымъ закипаньемъ чайника огонь сталъ потухать, а горючій матеріалъ былъ уже на исходѣ. Только когда сдѣлалось почти совѣмъ темно и холодно, вспомнили мы объ ушедшемъ казакѣ и стали дѣлать предположенія о такомъ долгомъ его отсутствіи. Капитанъ, видимо, встревоженный, началъ задавать вопросы пришедшимъ киргизамъ объ окружающей насъ мѣстности, и каково было наше непріятное удивленіе, когда мы узнали, что находились въ главномъ притонѣ барсовъ, которыхъ смѣлость и дерзость доходили до такой степени,

что они въ присутствіи пастуховъ бросались на стада и уносили огромныхъ барановъ. Какъ бы въ подтвержденіи истины сказаннаго, слышалось съ разныхъ сторонъ не то рычанье, не то какой-то непріятный зловѣщій вой, отъ котораго весь лагерь пришелъ въ смятеніе, и нѣсколько казаковъ бросилось къ лошадямъ. Мы переглянулись съ моей компаньонкой и невольно придвинулись другъ къ другу. Капитанъ, не теряя болѣе ни минуты, снарядилъ двухъ казаковъ и послалъ розыскивать пропавшаго. Но не успѣли они скрыться во мракѣ, какъ слышались тяжелые шаги и передъ нами явился нашъ любитель собиранія топлива съ огромною оханкой горючихъ корней. Всѣ обрадовались и закидали его вопросами. Но, вмѣсто отвѣта, казакъ молчалъ и только робко, украдкой поглядывалъ то на близъ сидящихъ киргизовъ, то на кипящій котелокъ съ бараниной. Видя его замѣшательство и догадываясь о какой-нибудь непріятной случайности, которую надѣялись узнать послѣ, мы оставили его въ покоѣ. Дѣйствительно, когда киргизы простились и оставили насъ однихъ, онъ разсказалъ намъ слѣдующее.

Взбираясь все по горѣ, онъ долго шелъ, не находя желаннаго топлива. Подвигаясь все выше и выше, казакъ дошелъ, наконецъ, почти до вершины, гдѣ изъ-подъ сырой, холодной земли кое-гдѣ показались торчащіе корешки какого-то растенія. Выкапывая ихъ частью топоромъ, частью руками, онъ подвигался все дальше и неожиданно подошелъ къ отвѣсному обрыву, на краю котораго, подъ каменною глыбой, увидѣлъ огромный, толстый корень, могущій замѣнить десятка три попадавшихся до сихъ поръ корешковъ. Обрадованный, сталъ онъ подкапывать и расшатывать камень, желая во что бы то ни стало, добыть неоцѣненную находку. Работая долго, до усталости, казакъ добился наконецъ, своего: земля стала обсыпаться, а камень, потерявъ равновѣсіе, сдвинулся, покачнувшись отъ послѣдняго его толчка и съ шипѣньемъ, грозными скачками покатился внизъ. Когда же онъ приподнял голову, чтобы полюбоваться на это зрѣлище, то къ ужасу своему замѣтилъ, что камень направлялся прямо въ стадо пасущихся барановъ. Въ страхѣ пустился онъ бѣжать безъ оглядки и спрятался за первымъ попавшимся обломкомъ скалы, гдѣ и просидѣлъ до наступившей темноты. Тогда только, озираясь по сторонамъ, почти ползкомъ пошелъ отыскивать онъ ношу и уже съ ней украдкой сталъ спускаться книзу. Вдругъ, подойдя къ намъ, онъ увидѣлъ киргизовъ и злополучнаго барана, отчего у него чуть не подкосились ноги. „Ну, думаю, пропалъ!“ — сказалъ онъ своимъ трагическимъ голосомъ. — „Увидать нехристи, узнать, что это я убилъ, и заставить платить“. Мы смѣялись его наивному разсказу и успокоили, объяснивъ, что онъ не только не виноватъ, но еще, благодаря такой случайности, въ которой видна Божья воля, мы всѣ будемъ сыты и согрѣты.

На самомъ дѣлѣ, запахъ варившагося супа и шипящаго въ кастрюлѣ жаркаго возбудилъ наши аппетиты до такой степени, что мы искренно благодарили судьбу за ниспосланіе намъ необходимой для утоленія серьезнаго голода пищи. Весь лагерь повеселѣлъ, и, несмотря на зловѣщее завываніе холоднаго вѣтра, веселая пѣснь огласила непривѣтливую стоянку.

Передъ уходомъ спать, намъ, въ виду предстоящаго на другой день перехода по снѣгамъ, смазали сапоги саломъ, и мы съ добрымъ духомъ разошлись по своимъ палаткамъ. Можно себя представить, насколько былъ приятенъ сонъ, когда послѣ такого утомительнаго дня, подъ гулкой ревъ рѣки, укутавшись въ теплыя одѣяла, мы почувствовали себя на довольно удобной и мягкой постели.

Поднялись все рано. Погода оказалась хорошею, и недавно вставшее солнце успѣло уже высушить влагу отъ вчерашняго дождя. Выйдя изъ палатки и съ удовольствіемъ вдохнувъ въ себя свѣжій и влажный воздухъ, я направилась въ сторону лошадей, чтобы посмотреть, были ли онѣ все въ порядкѣ, и по дорогѣ встрѣтила обоихъ киргизовъ, принесшихъ намъ вчера молоко. Увидѣвъ меня, они низко поклонились.

— Какъ, вы еще здѣсь?—спросила я ихъ, останавливаясь.

— Да, мы ночевали тутъ, такъ какъ вчера было слишкомъ темно, а дорога, сами знаете, очень плохая.

— А теперь куда же идете?

— Домой, въ аулъ... прощайте!

— Прощайте, еще разъ вамъ большое спасибо за то, что такъ честно исполнили обѣщаніе. Довольные, улыбающіеся, они снова низко поклонились и продолжали свой путь.

Увидя джигита, далеко отъ лошадей лежащаго ничкомъ на землѣ, я громко его позвала, но, къ моему удивленію, онъ ничего не отвѣтилъ и только приподнялъ голову съ видомъ сильнаго страданія. Зная, что онъ былъ изъ первыхъ, праздновавшихъ появленіе барана и ужинавшего за двоихъ, я поняла, что это была какая-нибудь уловка, и приказала ему немедленно приблизиться къ себѣ.

— Что съ тобой?—спросила я, когда онъ, весь скорчившись, стоялъ передо мною.

— Ахъ, барыня! поваръ не даетъ мнѣ ѣсть и у меня совсѣмъ курсакъ кончалъ (животъ болить), совсѣмъ боленъ... ой-ой-ой... я его просилъ хлѣба, а онъ мнѣ не далъ и ругается.

— Это неправда, вѣдь я знаю, что вчера вы все съ казаками не могли окончить ужина, ѣли еще сегодня, и оставшійся супъ пришлось вылить. Если ты еще разъ посмѣешь разыграть такую комедію, то будешь питаться на свой счетъ лепешками изъ ауловъ, слышишь?! а теперь скорѣй дай лошадямъ намоченныхъ сухарей и сѣдлай. Да чтобы все было исправно!...

Слова „питаться на свой счетъ“ оказались магическими: мнимая болѣзнь сейчасъ же исчезла, и выпрямившись, улыбаясь во весь широкій ротъ, онъ быстро подошелъ къ лошадямъ и принялся за свое дѣло.

Въ семь часовъ мы выѣхали и, проѣхавъ версты двѣ-три, приблизились къ огромному четырехугольному камню, съ совершенно гладкими, какъ бы обтесанными стѣнами, одна сторона котораго образовывала гротъ, гдѣ могло помѣститься человѣкъ шесть. Тутъ проѣзжіе мусульмане совершали свои мо-

литвы, отчего камень получилъ названіе мечеть - ташъ (ташъ — камень) и въ высшей степени чисто содержался.

Дорога къ перевалу Турнакъ-бель (земляной перевалъ), перерѣзанная многочисленными ручьями и рѣчками, которые приходилось переѣзжать въ бродъ, была не особенно крутая и довольно удобная. Издали видѣлись горы, покрытыя сплошнымъ снѣгомъ, откуда по временамъ вѣяло холодомъ зимы. Приблизившись къ перевалу, мы всѣ пересѣдали лошадей и затѣмъ вступили на первый большой пластъ снѣга, за которымъ тутъ же находился чудный лужокъ, покрытый изумрудною, тонкою, шелковистою травой и массой самыхъ разнообразныхъ, душистыхъ цвѣтовъ. Незабудки, желтые и красные тюльпаны, какіе-то мнѣ неизвѣстные лиловые, очень красивые и сильно душистые цвѣты, крошечные пунцовые колокольчики, кирпично-красныя маргаритки и много другихъ оживляли этотъ роскошный, живой коверъ. При видѣ такой красоты всѣ, не исключая казаковъ, пришли въ восторгъ и, сойдя съ лошадей, начали цѣлыми пригоршнями набирать букеты, отдавая ихъ мнѣ на сѣдло.

Покрытая вся цвѣтами, любяся ими и чуднымъ естественнымъ цвѣтникомъ, такъ искусно устроеннымъ самою природой, я не могла оторвать глазъ, не могла достаточно наглядѣться на этотъ земной райкъ, который приходилось такъ скоро покинуть. Къ счастью, войдя снова на огромный, хрустящій подъ ногами пластъ снѣга, мы опять за нимъ вступили на подобный лужокъ, но чѣмъ подымались мы выше, тѣмъ цвѣты становились моложе: отъ роскошно распустившихся переходили постепенно къ едва развернувшимъ свои яркія головки, потомъ къ бутонамъ, потомъ къ одной только зелени, затѣмъ къ чуть-чуть выбивающейся изъ подъ холодной, сырой земли—травкѣ, наконецъ, вступили мы въ царство вѣчнаго сплошного снѣга.

Мы находились уже высоко, и ярко-бѣлые хребты горъ волновались почти на одной высотѣ съ нами. Снизу обдавало холодомъ, отъ чего мерзли ноги, а рѣзкій вѣтеръ заставлялъ насъ надѣть шубы и платки на голову. Снѣгъ лежалъ нетронутый, и только слѣды большой собаки Ивана Павловича и нашего мергена впервые отпечатались на этомъ рыхломъ, мягкомъ коврѣ. Мы подымались по крутизнѣ, и лошади, задыхаясь, отъ времени до времени проваливались и утопали почти по животъ.

Нужно было принимать энергичныя мѣры, чтобъ заставлять ихъ идти безъ остановки, иначе ноги настолько глубоко уходили въ снѣгъ, что онѣ, теряя равновѣсіе, падали на бокъ. Проѣхавъ уже версты три такимъ образомъ, мы все еще не видѣли кругомъ ничего, кромѣ ярко блестящаго снѣга да вереницы укутанныхъ людей и измученныхъ, задыхающихся лошадей. Небо покрылось свинцовыми тучами, и тонкія снѣжинки засеребрили наши одежды; рѣзкій, холодный вѣтеръ по временамъ обдувалъ разгоряченные лица и сковывалъ прозябшія ноги, но мы съ удивительною энергіей и бодростью духа подгоняли своихъ лошадей, поворачивая ихъ то направо, то налево, и въ виду перевала всѣ разбрелись въ разныя стороны, куда кому казалось легче. Измученные до высшей степени, ступили мы, наконецъ, на сѣдловину перевала, гдѣ, почувствовавъ подъ собою болѣе твердую почву, дали отдохнуть немного и ло-

шадямъ. Сидя на сѣдлѣ ужъ болѣе покойно, подъ тонкою снѣжною мятелью, я посмотрѣла въ сторону, откуда мы пріѣхали и куда приходилось спускаться, и была поражена картиной вѣковѣчной зимы, разстилающейся на необъятное пространство вокругъ насъ. Трудно было себѣ представить, что это было 7 іюля, среди лѣта, когда городскіе жители задыхались отъ жары. Но, не давъ себѣ времени на размышленія и сравненіе двухъ представляющихся — одну въ воображеніи, другую въ дѣйствительности — рѣзко противоположныхъ картинъ, я стала подгонять лошадь и осторожно спускаться, какъ только другія лошади приблизились къ перевалу. Но и тутъ не было легче, такъ какъ спускъ былъ крутой и, когда лошадь проваливалась передними ногами, а это дѣлалось чуть не на каждомъ шагѣ, приходилось дѣлать большія усилія, чтобы усадить на сѣдлѣ и не перелетѣть черезъ ея голову. Только часамъ къ четыремъ по полудни мы вышли изъ сплошного снѣга и ступили снова на чудный лужокъ, покрытый цвѣтами, гдѣ, отдохнувъ минутъ десять, отправились пѣшкомъ по снѣжному мосту ¹⁾. Вслѣдствіе того, что снѣгъ мѣстами былъ уже очень тонокъ и проваливался подъ нашими ногами, мы, обходя опасныя мѣста, могли пройти его только пѣшкомъ, а лошадей переправили въ бродъ.

Несмотря на то, что снѣгъ окончился, намъ пришлось спускаться еще нѣсколько верстъ, и казалось конца спуску не будетъ. Лица, вначалѣ полныя энергіи и силы, какъ-то вдругъ осунулись, и утомленіе видѣлось во взглядѣ каждого изъ насъ. Чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ трава становилась гуще и зеленѣй, цвѣты болѣе распустившимися; тучи, постепенно исчезая, давали мѣсто яркому, почти жгучему солнцу; вѣтеръ изъ холодного перешелъ въ теплый; словомъ, въ одинъ и тотъ же день отъ зимы мы переходили къ веснѣ и лѣту. Остановиться было все-таки негдѣ: горныя ручьи, перерѣзывающіе безпрерывно мѣстность, дѣлали ее совершенно сырою. Мы все шли пѣшкомъ, перепрыгивая или переходя по камнямъ черезъ воду, пока, наконецъ, не спустились совсѣмъ къ сухому берегу рѣки, гдѣ, раньше чѣмъ переправиться на другую сторону, рѣшили слегка отдохнуть. Нанѣвшисъ молока, взятаго съ нами въ бутылкахъ, я поспѣшила склонить голову на роскошную траву и, конечно, сейчасъ-же заснула.

Вдругъ шумъ и говоръ заставили меня проснуться.

— Я спала и, кажется, долго, не правда-ли? — спросила я, весело озираясь кругомъ и готовая снова продолжать путь.

— Всего двадцать минутъ, — отвѣтилъ капитанъ, — посмотрѣвъ на часы.

— Только? — а мы и сны успѣли присниться. Но въ чемъ дѣло? Почему у васъ такія озабоченныя лица.

— Представьте, какое несчастье! сказалъ капитанъ грустно. — Перейдя всѣ эти трудности, я считалъ, что мы какъ дома, и вдругъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста новое затрудненіе.

— Какое? — спросила я съ удивленіемъ.

^{*)} Это часть рѣчного ложа, занесеннаго снѣгомъ, подъ обледѣлымъ слоемъ котораго, бурля и пѣнясь, мчитъ горный потокъ.

— Ни брода, ни моста нѣтъ, и я не знаю, какъ перейти эту, повидимому, незначительную рѣчку.

Дѣйствительно, вода ревѣла, бурлила и билась о камни, которые огромными глыбами загромождали все ложе, дѣлая ее неприступною.

— Что же сдѣлать?—спросила я грустно, глядя на непривѣтливую рѣчку.

— Вотъ сейчасъ узнаемъ еще. Иванъ Павловичъ исходилъ все здѣсь поблизости мѣста и ничего не могъ найти, теперь я отправилъ на розыски мергена. Не успѣлъ капитанъ произнести эти слова, какъ мергенъ, перебравшись какимъ-то способомъ на другой берегъ, махалъ намъ руками—дѣлая знаки, чтобъ слѣдовали по его указанію. Недоумѣвая, мы пошли по берегу параллельно съ нимъ и вскорѣ очутились передъ мостомъ необыкновенной конструкции. Тутъ мергенъ остановился и убѣдительными жестами предлагалъ перейти по немъ. Но мы долго стояли въ нерѣшительности, не смѣя сдѣлать шага впередъ.

— Нѣтъ, это ужасно! да развѣ возможно перейти по этимъ палкамъ?—спросила я, глядя вопросительно на капитана.

— Что же сдѣлать? — надо попробовать. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть самый ужасный мостъ лучшему на горныхъ рѣкахъ броду.

Ну, ужъ и мостъ! На самомъ узкомъ, вслѣдствіе чего самомъ глубокомъ и бурливомъ мѣстѣ рѣки, были перекинута двѣ параллельно и третья ниже березовыя тонкія жерди. Брызги отъ волнъ, разбивающихся о большіе острые камни, омывали нижнюю, дѣлая ее еще болѣе скользкой, чѣмъ верхнія, тоже совершенно гладкія березки. И вотъ, по этимъ то жердямъ, надъ кипучею пучиной, нужно было рѣшиться переходить, чтобы въ нѣсколькихъ верстахъ отъ желанной цѣли не вернуться постыдно назадъ. Нечего было дѣлать, приходилось испробовать и это.

Цѣпляясь руками и ногами, кое-какъ перешли казакъ, поваръ, за ними послѣдовала и я, но какъ только взялась руками за палки, голова такъ сильно закружилась, что я едва не полетѣла внизъ. Сила воли все-таки взяла верхъ, и я, упрочившись колѣнями на одной березкѣ, держась руками за обѣ, не слушая увѣщаній капитана спустить ноги на нижнюю, ползкомъ, какъ акробатъ, стала двигаться впередъ. Я и не подозрѣвала, что капитанъ, боясь за меня, былъ позади, придерживая мое разстегнутое пальто. Доползши такимъ образомъ до берега, я была подхвачена двумя парами рукъ, но вслѣдствіе крутого берега, оба подымавшіе меня, упали, а я, ухватившись за обломокъ камня и стоя на березкахъ, не удержалась отъ смѣха, увидя ихъ комичное паденіе внизъ. Откатившись въ сторону, они этимъ дали мнѣ свободное мѣсто, и я довольно быстро одна вскарабкалась наверхъ. Затѣмъ храбро пошла м-ль К. и остальные. Лошади и нѣкоторые казаки гдѣ-то далеко отъ моста переходили осторожно въ бродъ. Черезъ часъ мы снова живописною группой собрались на берегу и весело смотрѣли на kloпочущую рѣчку, какъ бы жадно просящую жертвъ, и на этотъ акробатическій мостъ, приходящій въ движеніе отъ налетающихъ на него волнъ. И чудно и ужасно! Но переправа совершилась благополучно, и мы, сѣвши на лошадей, снова потянулись вереницей въ гору.

Поднявшись высоко на вершину, мы стали спускаться на этотъ разъ уже въ долину Майданъ-Тала, почти конечную цѣль нашей экспедиціи.

При спускѣ, который тянулся верстѣ семь по дорожкѣ, выходящей спирально, намъ открывался чудный видъ на нашу желанную долину. Высокая, свѣжая трава, какъ изумруднымъ ковромъ, покрывала небольшое, замкнутое между горами, пространство, гдѣ широкою, темною полосой извивалась красивая рѣка. Прекрасный, серебристый, березовый лѣсокъ возвышался на одномъ изъ ея береговъ, и группы этихъ деревьевъ тамъ и сямъ украшали суровыя горы, вершины которыхъ бѣлѣлись, укутанныя пластами вѣчнаго снѣга.

Послѣ такого страшнаго перехода, этотъ спускъ казался тяжелъ только по своей продолжительности, вслѣдствіе чего ужасно стали болѣть колѣни и спина. Солнце уже спустилось за горы, когда мы вступили въ долину и увидѣли вблизи разбросанный киргизскій аулъ, откуда со всѣхъ сторонъ собаки со страшнымъ лаемъ бросились на насъ.

По распоряженію капитана, джигитъ и казакъ поскакали [впередъ и вскорѣ подвели намъ молодого, съ пріятною наружностью и хорошо одѣтаго киргиза, исполняющаго обязанность старшины. Когда его спросили, можно ли у нихъ получить юрту, то онъ съ готовностью, прижимая руки къ сердцу, отвѣтилъ утвердительно.

— Гдѣ прикажете ее поставить?—спросилъ онъ по-киргизски, — слѣдуя подлѣ нашихъ лошадей.

Мы указали ему первое попавшееся на глаза широкое мѣсто.

Онъ тотчасъ же послалъ двоихъ изъ толпы собравшихся подлѣ насъ любопытныхъ, и минутъ черезъ десять разобранная юрта, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дѣвушекъ и женщинъ, появилась передъ нами.

Наши व्यюки были уже на землѣ, и мы, сидя на нихъ, стали разспрашивать старшину объ ихъ лѣтней стоянкѣ и, между прочимъ, гдѣ находился аулъ Магомета-Али, встрѣченнаго нами по дорогѣ, который пригласилъ насъ къ себѣ въ гости. Молодой киргизъ, кланяясь еще ниже, съ довольною улыбкой сказалъ: „это именно его аулъ, я его сынъ, и всѣ остальные—его родные“.

Мы изъявили наше удовольствіе.

Между женщинами, ставившими юрту, отличалась особенно одна, уже пожилая, но красивая, высокая, въ бархатномъ черномъ халатѣ и въ бѣлоснѣжной, кисейной чалмѣ. Движенія ея были граціозны и вмѣстѣ величественны; въ ней виднѣлись благородство и умъ.

— Кто это такая? — спросила я сына Али.

— Это жена моего отца, — отвѣтилъ онъ.

Подлѣ нея стояла необыкновенно миловидная, стройная, какъ молодая гадель, дѣвушка, глядящая на насъ исподлобья, точно со страхомъ и въ то же время съ наивнымъ, жаднымъ любопытствомъ. На ней былъ пестрый атласный бешметъ, красная шелковая юбка и коралловыя украшенія на шеѣ и въ ушахъ; длинныя многочисленныя туго сплетенныя косы, цвѣта воронова крыла, змѣйками падали по ея тонкимъ плечамъ. За подолъ ея платья держался

пятилѣтній хорошенькій мальчикъ, въ сафьяновыхъ красныхъ сапожкахъ, и тоже глазѣлъ на насъ.

— А эта дѣвочка кто такая? — спросила я опять.

— Это дочь и маленькій сынъ старухи.

— Но и вы, въ такомъ случаѣ, ея сынъ?

Вмѣсто отвѣта онъ поклонился.

Мнѣ показалось это страннымъ, такъ какъ она была слишкомъ молода для такого сына, но чего не бываетъ у восточныхъ людей?!

Окончивъ постановку нашего жилища, жена Магомета-Али обратилась къ намъ съ рѣчью. Черезъ переводчика мы узнали, что она просила насъ побывать у нея, чтобъ мы считали себя ея гостями и что, если нуженъ баранъ, то она прикажетъ сейчасъ его зарѣзать.

Поблагодаривъ ее, я сказала, что какъ только отдохнемъ, непременно зайдемъ къ ней, а барана пока намъ не нужно.

Съ серьезнымъ, даже важнымъ видомъ, послѣ многихъ поклоновъ, она, взявъ своего маленькаго сына за руку, удалилась въ сопровожденіи цѣлой толпы родственницъ, приживалокъ и слуганокъ.

Неподалеку отъ насъ уже пылалъ веселый костеръ, свѣтъ котораго смѣшивался съ розоватымъ потухающимъ закатомъ; съ рѣки потянуло влажнымъ и холоднымъ воздухомъ, отчего всѣ рѣшили пить чай и обѣдать въ юртѣ. Когда же мы вошли въ нее, то были поражены великолѣпіемъ нашего помѣщенія, въ которомъ весь полъ, стѣны и двери были устланы въ два ряда и увѣшаны бархатными бухарскими, совсѣмъ новыми коврами.

Какъ намъ показалось тутъ уютно и тепло!

Полулежа на мягкомъ полу, мы скоро принялись за ужинъ, послѣ котораго, сейчасъ же попрощавшись съ нашими, тоже сильно утомленными, спутниками, легли на приготовленные постели и, укутавшись, заснули сладкимъ укрѣпляющимъ сномъ подъ тихій шелестъ серебристыхъ березъ и подъ мягкій гулъ катившейся неподалеку отъ насъ рѣки Майданъ-Тала.

Ясное, жаркое утро привѣтливо встрѣтило меня, когда я вышла на другой день изъ юрты; птички порхали, и ихъ веселое щеботанье радостно отозвалось въ моей душѣ; синій дымокъ отъ небольшого костра, на которомъ грѣлся чайникъ, подымался высоко къ безоблачному, темно-синему небу. Я, стоя у порога, оглянула все вокругъ, и мнѣ показалось чудно хорошо!

Всѣ уже были вставши и, сидя у огня, подлѣ палатки капитана, разговаривали съ гостепріимнымъ хозяиномъ, который внимательно слушалъ, поджавши ноги и покачивая головой, и отвѣчалъ на предлагаемые вопросы.

Толпа другихъ киргизовъ, большихъ и малыхъ, также старалась понять разсказчика и съ любопытствомъ глазѣла. Какъ только я подошла къ нимъ, то общее вниманіе сосредоточилось на мнѣ: меня безъ стѣсненія стали разсматривать, перешептываться, указывать пальцами, приговаривая: джендераль, джендераль! Поздоровавшись съ нашими спутниками, я протянула руку и Дермишъ-Али (такъ звали сына Магомета-Али), который, взявъ ее въ обѣ свои, низко поклонился.

Потомъ Иванъ Павловичъ мнѣ разсказалъ, что рано утромъ, пока мы еще спали, они разспросили у нашей прислуги, кто мы такіе, какъ приходились другъ другу, почему прибыли сюда? и когда узнали истину, то главнымъ образомъ впечатлѣніе произвела на нихъ моя личность, такъ какъ они поняли, что я была глава, или начальница экспедиціи.

Капитанъ ждалъ только нашего выхода изъ юрты, чтобы на этотъ разъ одному отправиться къ верховьямъ Майданъ-Тала, такъ какъ мы рѣшили остаться здѣсь не только потому, что дальнѣйшее путешествіе представляло еще большія затрудненія вслѣдствіе болотъ и подъемовъ, но и потому, что мы ощущали великую потребность въ болѣе продолжительномъ отдыхѣ.

Черезъ два часа капитанъ уже выѣхалъ съ тремя казаками и нашимъ милѣйшимъ мергенемъ, а мы въ обществѣ радушныхъ киргизовъ остались наслаждаться мирнымъ отдыхомъ. Моя энергія не истощалась и мнѣ захотѣлось осмотрѣть долину, заглянуть въ лѣсокъ, побывать вездѣ, гдѣ только можно было пройти, чтобы хорошо ознакомиться съ мѣстомъ нашей стоянки. Взявъ ружья, мы съ Иваномъ Павловичемъ, въ сопровожденіи цѣлой толпы, пошли на прогулку.

Дермишъ-Али шелъ съ нами рядомъ и глядѣлъ то на меня, то на мое ружье съ одинаковымъ интересомъ и любопытствомъ. Роща оказалась островомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ оврагомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовывалъ болото, а въ другихъ чистою водой впадалъ въ широкую, спокойную съ низкими берегами рѣку. Подойдя къ водѣ, мы увидѣли мирно гуляющихъ по болоту куликовъ. Я взвела курокъ, прицѣлилась и послѣ выстрѣла куликъ, чуть поднявшійся кверху, упалъ обратно въ воду. Съ дикимъ крикомъ восторга понеслась толпа киргизовъ подымать крошечную птичку, изъ-за которой чуть всѣ они не передрались. Видя такую удачу, Дермишъ-Али повелъ насъ къ одиноко стоявшему среди долины дереву, на которомъ, говорили они, бываетъ всегда очень много птицъ. Подойдя къ нему, мы дѣйствительно увидѣли массу сѣрыхъ и розовыхъ дроздовъ. Я предложила Ивану Павловичу стрѣлять, но онъ отвѣтилъ, что это прекрасный случай для моего маленькаго ружья и полнаго пораженія восхищенныхъ киргизовъ. Я охотно согласилась выстрѣлить, и пестрая стая, съ шумомъ взвившись кверху, полетѣла далеко къ горамъ. Толпа, притаившаяся, казалось, вначалѣ дыханіе, снова съ крикомъ бросилась къ дереву и, махая по воздуху, издали показывала намъ трехъ убитыхъ птицъ. Оттуда мы отправились въ глубь рощи, гдѣ нашли лужайки, покрытыя цѣлымъ лѣсомъ изумрудной травы. Нѣкоторыя развѣсистыя березы бросали широкую, благодатную тѣнь, а разнообразные пестрые цвѣты еще болѣе оживляли и дѣлали привлекательнымъ этотъ роскошный уголокъ. Но не останавливаясь и не отдыхая, всею толпой пошли мы по берегу канавы, заросшей густымъ кустарникомъ, черезъ который приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пролѣзать, какъ черезъ живую изгородь. Солнце палило и въ воздухѣ стояла уже страшная духота, но, увлеченные охотой, никто изъ насъ не обращалъ вниманія ни на жару, ни на всѣ трудности переходовъ. Крошечныя птички, испуганныя появленіемъ людей, тревожно перепархивали

съ вѣтки на вѣтку и какъ бы вопросительно чирикали; суслики гдѣ-то далеко въ горахъ, точно вторя имъ, энергичнѣе насвистывалъ свою монотонную пѣсенку... А мы все шли и шли безустали впередъ.

— Утки!—восторженно прошепталъ Иванъ Павловичъ.—Пойдемте сюда, онѣ уплыли вонъ туда; ваше ружье можетъ взять маленькихъ.

Царапаясь о кустарники, нагибаясь почти до земли, подъ развѣсистыми сплетенными вѣтвями деревъ, осторожно пробиралась мы по берегу, выслѣживая пернатое семейство.

— Утки!—крикнула я, забывъ всякую осторожность, увидя маленького утенка, который, оставъ отъ матери, торопливо перебиралъ лапками въ прозрачной водѣ.—Жалость во время охоты исчезала у меня такъ же, какъ и у всякаго охотника, и я убила уточку, безжизненно завертѣвшуюся на поверхности уносившихъ ее волнъ. Мальчикъ изъ толпы бросился за ней и уйдя по поясъ въ воду, поймалъ быстро уплывающую птичку, при чемъ выгналъ изъ кустовъ остальное семейство, изъ котораго двое еще стали жертвой моего ружья. Суматоха и восторгъ были общіе; собаки и мальчики наперерывъ бросались доставать дичь; крикъ и гамъ стояли такіе, какъ будто осаждали неприятельскую крѣпость.

Мнѣ самой стало весело, и я не замѣтила, что лицо мое пылало, а шляпа, съѣхавшая на затылокъ, не защищала отъ палящихъ лучей солнца.

— Однако, пора намъ и домой,—сказала я, садясь для отдыха подъ тѣнью деревьевъ.—Впрочемъ, пойдемъ раньше и отыщемъ удобное мѣсто для нашей юрты: тамъ мы на самомъ прибрежьи.

Хотя Дермишъ-Али и не совѣтовалъ намъ поселяться въ тѣни и подлѣ рѣки, но русскій человѣкъ, конечно, соображаетъ иначе, чѣмъ киргизъ, и поэтому мы рѣшили, что разъ солнце печетъ, то нужно искать тѣни, а такъ какъ одна тѣнь не даетъ освѣжающей прохлады, поэтому и выбранъ былъ для этого берегъ рѣки, мѣсто, повидимому, чудесное. Затѣмъ, набравъ большой букетъ изъ душистыхъ цвѣтовъ, мы отправились домой и объявили о переселеніи, которое совершилось очень быстро, и вскорѣ у прохладныхъ волнъ, вмѣстѣ съ Дермишъ-Али принялись за расливаніе чая, а часамъ къ четыремъ, немного отдохнувъ, снова отправились, въ сопровожденіи всей компаніи, на дальнѣйшіе розыски и охоту. Мы заходили въ самыя глухія мѣста, переправлялись черезъ болота, перепрыгивали ручьи, но зато когда вернулись домой, то были отягчены самою разнообразною мелкою дичью. Солнце уже клонилось къ западу, когда мы, пообѣдавши и переодѣвшись, пошли въ гости къ Дермишъ-Али. (Собственно, мы думали попасть къ его матери, а попали къ нему). О нашемъ приходѣ они, конечно, были предупреждены, и поэтому собаки, лошади, коровы и всякій другой скотъ были отогнаны далеко отъ кибитки и вокругъ было чисто подметено. Хозяинъ съ низкими поклонами вышелъ намъ навстрѣчу, а женщины въ парадныхъ туалетахъ оставались въ юртѣ. Толпа мужчинъ, женщинъ, подростковъ и дѣтей, тѣсня другъ друга, старались получше насъ разглядѣть.

Когда мы вошли въ кибитку, молодая и довольно миловидная женщина, съ двумя почти взрослыми дочерьми, приложивъ руки къ сердцу, низко мнѣ поклонилась. Я отвѣтила имъ тѣмъ же и затѣмъ подала руку, до которой онѣ едва дотронулись. Затѣмъ, какъ это бываетъ повсюду, хозяйка граціознымъ жестомъ просила насъ сѣсть на разостланные новые ковры и сама показала первая примѣръ. Я тотчасъ за ней также опустилась и, поджавъ ноги по-турски, принялась разговаривать съ ними по-своему, отчего невольно заставила всѣхъ смѣяться и этимъ очень скоро освоила съ собой хозяйку и ея дѣтей, которыя понемногу все ближе и ближе придвигались ко мнѣ. Но вдругъ, во время самаго интереснаго разговора, толпа, окружающая юрту, сбѣлала такой натискъ, что она пошатнулась и едва не рухнула на насъ.

Съ удивленіемъ я взглянула вокругъ себя, не понимая, что случилось, но когда увидѣла во всѣхъ щеляхъ—снизу, сверху, сбоку—глаза и фізіономіи, жадно слѣдящія за нами, то не удержалась отъ смѣха; остальные тоже стали мнѣ вторить, и въ одну минуту юрта огласилась самыми веселыми дружескими голосами.

Вскорѣ подали чай въ чашкахъ безъ сахара, и въ то время, когда мы всѣ прихлебывали, намъ начали задавать вопросы такъ быстро одинъ за другимъ, что мы едва успѣвали отвѣчать.

Дермишъ-Али спросилъ насъ, между прочимъ, какимъ образомъ прошли мы переваль, и когда узналъ, что верхомъ, то былъ въ высшей степени пораженъ и, какъ образецъ смѣлости, привелъ насъ въ примѣръ своимъ женщинамъ. Онѣ, говорилъ онъ, страшныя трусихи и переходятъ его пѣшкомъ, а гдѣ нужно переправляться въ бродъ, ихъ привязываютъ къ лошадямъ или верблюдамъ, и онѣ, закрывши глаза, отдаются на волю проводника.

— Русскія женщины храбрыя и съ ними весело идти! — заключилъ онъ свою рѣчь лестною для насъ похвалою.

Прощаясь съ нами, хозяйка, въ свою очередь, предложила намъ барана, отъ котораго мы отказались, сказавъ, что воспользуемся ея предложеніемъ, когда понадобится возобновить запасъ нашей провизіи.

Дермишъ-Али проводилъ насъ до нашей кибитки, а женщины до половины дороги.

Когда мы вернулись домой, то яркія звѣздочки выступили уже на темномъ фонѣ неба, костры съ трескомъ весело освѣщали мѣстность, а пѣснь казакъ пріятно нарушала царившую вокругъ тишину. Сырой и холодный вѣтеръ, рѣзко поднявшійся надъ нашимъ лагеремъ, заставилъ насъ не только укрыться сейчасъ же въ юрту, но и укутаться въ самыя теплыя платья; тѣмъ болѣе это было необходимо, что, благодаря, вѣроятно, постоянной перемѣнѣ температуры, я начала чувствовать приступы лихорадки вмѣстѣ съ зубною болью. Это было, конечно, очень печально, такъ какъ уже нѣсколько ночей, несмотря на усталость и большіе приемы хины, я, мучаясь подолгу, не могла заснуть. Такъ было и на этотъ разъ: какъ только легла я въ постель, сейчасъ же погрузилась въ самый глубокій сонъ, но это счастливое состояніе не продолжалось долго, и я скоро должна была открыть тяжело сомкнутыя вѣки.

Невольно протянула я обезсиленную руку къ спичкамъ, зажгла свѣчу, блѣдный свѣтъ которой больно рѣзалъ сонные глаза, и, принявъ почти машинально лѣкарство, въ полубезсознательномъ состояннн снова упала на подушку и забылась, но бодрствующая боль не давала мнѣ рѣшительно покоя и, наконецъ, подняла меня совсѣмъ. Я стряхнула съ себя сковывающее члены, тяжелое безеніе и стала одѣваться. Рѣзкій холодъ заставилъ меня дрожать; кругомъ было тихо; равномѣрное дыханіе моей компаньонки говорило о ея крѣпкомъ снѣ. Надѣвъ теплое пальто и укутавъ голову платкомъ, я вышла изъ юрты. Тоскливо было у меня на сердцѣ. Яркая луна освѣщала шепчущую рѣку и серебрилась на еле дрожащихъ листахъ развѣсистыхъ березъ. Лагерь съ плотно закрытыми палатками былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Я пошла по берегу рѣки. Перепрыгнувъ черезъ ручей, отдѣлявшій насъ отъ долины, я вышла на открытое пространство, гдѣ повѣяло тепломъ, будто луна здѣсь свѣтила ярче и своимъ блѣднымъ свѣтомъ согрѣла и ободрила меня. Я пошла впередъ и, остановившись на холмѣ, созерцала картину, открывшуюся передо мной какъ на ладони.

Мрачныя горы причудливою цѣпью закрывали повсюду горизонтъ, и среди этого замкнутого пространства, между разбросанными угрюмыми кибитками, въ высокой травѣ, какъ призраки, двигались медленно и плавно бодрствующія киргизскія стада. Все это при синеватомъ блескѣ полной луны имѣло фантастическій видъ заколдованнаго соннаго царства. Я глядѣла сама, какъ очарованная, пока холодная дрожь не прошла по моему тѣлу, и я, закутавшись плотнѣе, стала спускаться съ холма; но едва я сдѣлала шагъ впередъ, какъ съ легкимъ крикомъ отекочила назадъ: небольшая змѣйка съ поднятымъ жаломъ, скользи и извиваясь, проскользнула мимо меня. Когда опасность миновала, я направилась къ рошѣ и, войдя въ юрту, снова приняла лѣкарства, такъ какъ зубная боль усиливалась, и я не могла и думать объ отдыхѣ. Чтобы утомить себя еще сильнѣе, я стала долго ходить вдоль рѣки и, только когда почувствовала потребность въ отдыхѣ, сѣла на большой камень подлѣ срубленнаго дерева, послужившаго мнѣ опорой, и, закинувъ голову назадъ, вся облитая яркимъ луннымъ свѣтомъ, глядѣла долго въ безоблачное пространство. Рѣка тихо журчала, только отъ времени до времени грохотъ поворачивающихся на днѣ камней прерывалъ ея монотонность и царившую вокругъ тишину.

Вдругъ сзади меня послышались легкіе, какъ тихій шелестъ вѣтерка, шаги, которые торопливо приближались ко мнѣ. Что за чудо?! Кто могъ нарушить въ такой поздній часъ покой всей природы? Кому и зачѣмъ понадобилась прогулка въ этой рошѣ? Я оглянулась и, пораженная, увидѣла предъ собой Айчуку, младшую дочь старухи. Хорошенькая дѣвушка въ своемъ національномъ пестромъ одѣяннн стояла предо мной, какъ виновная. Ея поникшая голова, безжизненно опущенныя бѣлыя руки, масса распущенныхъ, блестящихъ черныхъ волосъ, покрывающихъ тонкія плечи, дѣлали ее очаровательной.

— Айчука зачѣмъ ты здѣсь?—спросила я тихо. Она подняла на меня свои большіе, продолговатые глаза, которые при лунномъ свѣтѣ блеснули, какъ

два горячих уголька.—Зачѣмъ ты здѣсь?—повторила я вопросъ. Она робко улыбнулась и прошептала: „Я видѣла васъ издали и пришла на васъ поспѣть, не сердитесь и не прогоняйте меня“. Глаза ея снова такъ же блеснули. Я улыбнулась и протянула ей руку, которую дѣвушка жадно схватила и прижала къ своему сердцу.—Не бойся, Айчука, я очень рада, что ты пришла, такъ какъ мнѣ нехорошо, я такъ страдаю. Айчука опустила на колѣни и, слушая меня, радостно улыбалась. Я глядѣла на нее, и отрадное чувство наполняло мою душу. Улыбаясь ей въ отвѣтъ, я ласкала наклоненную голову, которая все ближе и ближе прижималась ко мнѣ. Ея лицо уже почти касалось моей щеки, на которой я чувствовала горячее дыханіе, а улыбающійся ротъ шепталъ непонятныя слова. Я вглядывалась въ нее, прислушивалась къ ея лепету, и мнѣ вдругъ стало какъ-то неловко. Я взяла ея тонкія руки, обвинившія крѣпко меня, и хотѣла ихъ отодвинуть, но она еще сильнѣе стала прижиматься, при чемъ ея жемчужныя зубы и глаза сверкнули такимъ блескомъ, отъ котораго мнѣ стало страшно и дрожь пробѣжала по тѣлу.—Айчука, оставь меня, уйди... мнѣ душно!—сказала я, но дѣвушка, какъ бы не понимая, не двигалась съ мѣста.—Айчука!—крикнула я повелительно и съ силой оттолкнула ее отъ себя... Что со мной? Неужели все это сонъ? Я сидѣла на томъ же мѣстѣ съ опрокинутаю назадъ головой, а луна попрежнему мирно освѣщала мое лицо. Я поднялась, провела рукой по глазамъ и оглянулась. Кругомъ никого и ничего, только сердце мое стучало, да кровь била въ виски. Безотчетный страхъ охватилъ все мое существо; мнѣ показалось, точно изъ-подъ каждой густой тѣни дерева, изъ-подъ cadaго куста высовывались длинныя, безобразныя руки, готовые схватить и задушить меня. Не оглядываясь, быстро пошла я къ юртѣ и, войдя въ нее, поспѣшно зажгла свѣчку и стала раздѣваться. Долго я еще лежала, встревоженная впечатлѣніемъ сна, пока, наконецъ, глубокой сонъ не овладѣлъ всецѣло усталымъ организмомъ.

Солнце весело привѣтствовало меня, когда я вышла изъ юрты. Толпа нашихъ пріятелей, во главѣ съ Дермишъ-Али уже ждала моего выхода.

Мое искусство въ стрѣльбѣ произвело удивительное впечатлѣніе на всѣхъ киргизовъ. Они разспрашивали, какимъ образомъ я могла выучиться стрѣлять и дойти до такого совершенства, долго-ли я училась, сколько у меня наградъ и т. д., говоря въ то же время, что если-бы киргизская женщина обладала такимъ искусствомъ, то они преклонились бы передъ ней, какъ передъ царицей.

Итакъ, моя слава на этотъ разъ была завоевана среди киргизовъ, и они смотрѣли на меня съ возрастающимъ интересомъ, какъ на высшее существо. Это меня очень забавляло, и я потѣшалась надъ ними: брала цѣлью какой-нибудь предметъ и предоставляла имъ отсчитывать шаги; когда же я пробивала предметъ насквозь, то крикъ восторга всей толпы далеко разносился по долинамъ.

Послѣ обѣда мы пошли къ старухѣ. Дермишъ-Али пришелъ насъ сопровождать. Неподалеку отъ юрты встрѣтилась намъ убогая старушка, на видъ лѣтъ восьмидесяти, сгорбленная, съѣженная, почти слѣпая. Завидя толпу, сопровождавшую насъ, она приблизилась и, заглядывая на меня, то улыбалась

беззубымъ ртомъ, дѣлая обезьяньи гримасы, то бѣжала передъ нами преглупыми прыжками. Дермишъ-Али позвалъ ее и заставилъ танцовать. Безъ малѣйшаго протеста она начала вертѣться, притопывать ногами и ломаться самымъ уморительнымъ образомъ. Мнѣ стало жаль старуху, и я просила оставить ее въ покоѣ. Онъ весело засмѣялся и сказалъ, что она это любитъ и рада, когда ею занимаются, и тутъ же приказалъ ей бѣжать какъ можно скорѣе въ юрту и предупредить о приходѣ гостей. Съ радостнымъ взвизгиваньемъ хлопала она въ ладоши и, сопровождаемая дружнымъ хохотомъ толпы, побѣжала впередъ, хотя медленно, но дѣлая видъ, что галопируетъ изо всѣхъ силъ.

— Бѣдная старуха! — сказала я съ сожалѣніемъ.

Какъ я узнала потомъ, это была одна изъ многочисленныхъ приживалокъ, пользующаяся не только добромъ зажиточныхъ хозяевъ, но даже путешествующая въ числѣ окружающей ихъ большой свиты, прислуги и разныхъ туенядцевъ во время лѣтняго сезона на дачу.

Толпа уже окружала юрту, когда мы подошли къ ней. Хозяйка стояла въ ожиданіи насъ у порога и, взявъ мою протянутую руку въ свои обѣ, сдержанно улыбнулась и просила садиться на мягкіе разостланные ковры.

Старшая ея дочь, очень некрасивая, поклонилась намъ съ вялымъ, соннымъ видомъ, точно заспанныхъ узкихъ глазъ. За ней виднѣлось веселое, хо-рошенькое личико Айчуки, которая съ застѣнчивою улыбкой спряталась за сестру. Мать въ полголоса сдѣлала ей замѣчаніе, и она тотчасъ же, выступивъ впередъ, низко мнѣ поклонилась. Я тоже протянула ей руку, до которой она слегка коснулась и, взглянувъ смѣлѣе, весело улыбнулась. Я сѣла и, такъ какъ всѣ оставались на ногахъ, жестомъ просила послѣдовать моему примѣру. Айчука сѣла недалеко отъ меня и, когда я обращалась къ кому-нибудь изъ присутствующихъ съ вопросомъ, она пристально вглядывалась въ мое лицо и тотчасъ опускала глаза, какъ только я поворачивалась въ ея сторону.

— Айчука, ты красивая, — сказала я ей по-киргизски.

Дѣвушка засмѣялась, покраснѣла и закрыла лицо маленькими руками. Мать снова сдѣлала ей замѣчаніе, и она, открывъ лицо, застѣнчиво потупилась. Айчука и ея сестра были почти одинаково одѣты въ атласныя пестрыя рубашки съ широкими рукавами, сверхъ которыхъ были надѣты зеленыя шелковые безрукавки (бешметъ), обшитыя разноцвѣтною шелковою тесьмой. На шеѣ красовалась масса коралловъ и разныхъ серебряныхъ бездѣлушекъ, въ ушахъ длинныя коралловые серьги, а на рукахъ мѣдные и серебряные кольца и браслеты. Волосы, заплетенные, по обыкновенію, въ множество косичекъ, спадали по плечамъ, какъ туго свитыя черныя веревки.

Убранство юрты было гораздо богаче, чѣмъ у Дермишъ-Али. Красивые одѣяла и ковры въ изобиліи были наложены кругомъ, разная домашняя утварь и предметы роскоши, какъ-то: кожаные чехлы для чашекъ съ металлическими украшеніями, такіе же мѣшки для перевозки посуды, ножи разной величины съ красивыми рукоятками, разукрашенныя уздечки, ногойки, фальшивыя женскія косы, которыя надѣвались вмѣстѣ съ парадною чалмой въ праздники, сѣд-

ла, бархатныя и шелковыя попоны — все это въ видѣ украшеній красовалось на стѣнахъ и потолокѣ юрты.

Пока мы осматривали все съ любопытствомъ, подали нарѣзанную мелкими квадратиками жареную баранину въ тѣхъ же чашкахъ, изъ которыхъ они пили и чай. Приходилось брать, конечно, пальцами, безъ помощи вилокъ, о которыхъ они не имѣли и понятія, и, по этикету, похваливать кушанье. Я дѣлала только видъ, что ѣмъ, и изъ своей чашки угощала своихъ двухъ сосѣдокъ — Айчуку и ея старшую сестру Кульсунай, которыя брали граціозно, двумя пальцами, при чемъ съ улыбкой благодарили за каждый кусочекъ. Пока всѣ занимались ѣдой, мать положила изъ особо устроенныхъ сундуковъ, на желѣзный подносъ, горсть мелко нарѣзаннаго сухого овечьяго сыра, такими же кусочками жаренаго хлѣба, или скорѣе тѣста, которое приготавливалось на зиму и имѣло довольно пріятный вкусъ, и, въ довершеніе, запустивъ руку еще въ одинъ подобный сундукъ, вытащила ею, полную бѣлаго, полужидкаго масла, которое, страхнувъ и обтеревъ руку, тоже положила рядомъ со всѣми остальными лакомствами. Увидя эту первобытность угощенія, я невольно засмѣялась и спросила:

— Что нужно дѣлать съ этимъ жиромъ?

— Ёсть, — отвѣтила она съ веселымъ смѣхомъ, вытирая руки тряпкой.

Дермишъ-Али, принимавшій все время самое живое участіе въ разговорѣ, держалъ на рукахъ крошечнаго, еще грудного, ребенка, котораго, освободившись отъ хозяйственныхъ обязанностей, взяла къ себѣ его мать.

— Чей это ребенокъ? — спросила я.

— Мой, — отвѣтила съ гордостью старуха, при чемъ, весело засмѣявшись, взглянула на меня своими красивыми глазами такъ лукаво, что я заподозрила обманъ въ ея отвѣтъ.

Тогда я съ удивленіемъ спросила черезъ переводчика (мой джигитъ сидѣлъ тутъ же у порога), сколько ей было лѣтъ, когда родился Дермишъ-Али?

— Десять: мнѣ теперь сорокъ, а ему тридцать, — отвѣтила она.

Увидѣвъ на этотъ разъ мое серьезное изумленіе, она стала весело и звонко смѣяться, но, не желая, какъ видно, изъ вѣжливости оставлять меня долго въ заблужденіи, старуха, обращаясь къ джигиту, серьезно сказала:

— Дермишъ-Али не мой сынъ, а первой жены Магомета-Али.

Я погрозила ей тутъ пальцемъ, чему она улыбнулась и покачала головой, какъ бы желая этимъ сказать, что пошутить иногда хорошо и весело. Она была самая красивая женщина послѣ Айчуки, съ прекрасными, большими глазами, съ бѣлыми, какъ жемчугъ, зубами и съ двумя огромными, падавшими ниже колѣнъ, черными косами, которыми она, видимо, гордилась.

Айчука была въ восторгѣ отъ моего особаго вниманія къ ней, и мать, замѣтивши это, также поощряла ее быть смѣлѣе. Я взяла ея маленькую руку и стала разсматривать кольца.

— Очень красивыя, — сказала я ей, не выпуская руки.

Она отрицательно покачала головой и, указавъ на мои, робко проговорила:

— Вотъ это такъ красиво.

Черезъ нѣсколько минутъ дѣвушка настолько освоилась со мной, что сама брала мою руку и, когда я съ ней заговаривала, не опускала глазъ, а смотрѣла прямо, и весело улыбалась. Удивительно, какъ въ эти минуты она напоминала мнѣ мой сонъ!

— А вы не русская и не умѣете говорить по-русски? — обратилась Сейнепъ — такъ звали старуху — къ моей компаньонкѣ.

Кое какъ, общими силами, растолковали мы имъ, что она, дѣйствительно, не русская и изъ очень далекихъ странъ, въ которыхъ, такъ же, какъ и здѣсь, много высокихъ горъ, и что языкъ ея не имѣетъ ничего общаго ни съ русскимъ, ни съ персидскимъ, ни съ арабскимъ, о которыхъ они имѣютъ понятіе.

— А отецъ и мать тоже есть? — спросила снова Сейнепъ, заинтересованная чужестранкой.

— Мать есть, а отца нѣтъ.

— Такъ, такъ, — какъ бы съ грустью замахала она головой.

Когда мы удовлетворили общее любопытство и вдоволь наглядѣлись другъ на друга, я встала и черезъ переводчика просила всѣхъ, такъ же, какъ и Дермишъ-Али съ семействомъ, пожаловать къ намъ завтра, въ такое же время, на чай, предварительно попросивъ прислать чайную посуду, въ которой у насъ былъ недостатокъ.

Простившись, мы вышли въ сопровожденіи Дермишъ-Али, его брата Сайдана и всей толпы, которая, попрежнему, глазѣла и провожала насъ до мѣста.

Мой джигитъ чувствовалъ себя необыкновенно гордымъ въ важной роли переводчика, которую онъ исполнялъ при мнѣ, и, идя сзади, рассказывалъ, должно-быть, большія небылицы, такъ какъ интересъ и удивленіе относительно насъ положительно утроились. Когда я оглянулась, то увидѣла Сейнепъ и Айчуку, которыя стояли у порога кибитки и внимательно глядѣли намъ вслѣдъ. Дружески замахали онѣ руками и обѣ низко поклонились, на что въ отвѣтъ я и моя компаньонка махнули имъ платками.

Проходя по долинѣ, мы увидѣли въ сборѣ весь скотъ Магомета-Али, гдѣ находились необыкновенно чистые, лучшихъ породъ верблюды, горбатые яки, коровы, овцы, бараны, и все это имѣло очень опрятный и пріятный видъ сытости и общаго довольства.

— Какія красивыя животныя! — сказала я, любуясь ими. — Вотъ, сколько разъ приходилось мнѣ ѣздить на верблюдахъ, запряженныхъ въ тарантасъ, а верхомъ ни разу. Говорятъ, они очень качаютъ? — спросила я, обращаясь къ Дермишъ-Али.

— Я вамъ сейчасъ велю привести верблюда, который бѣжить и ничуть не качаетъ, — отвѣтилъ онъ, и прежде чѣмъ я успѣла что-нибудь сказать, услалъ мальчика за животнымъ.

Не болѣе, какъ черезъ четверть часа, пока мы пили чай, верблюдъ появился передъ нами. Какъ бы въ удивленіи сталъ онъ среди насъ и, поворачивая горделиво голову, блестящими задумчивыми глазами сталъ осматривать

незнакомую обстановку. Серьезно взглянул онъ на окружившихъ его казаковъ, на палатки, на всю суетню, поднявшуюся вокругъ него, шумно вдохнулъ и, сдѣлавъ видъ презрительнаго равнодушія, устремилъ свой взоръ въ глубь рощи и продолжалъ на минуту прерванную жвачку, зашевеливъ энергично здоровыми челюстями. Подойдя къ нему, Дермишъ-Али взялъ веревку, прикрѣпленную къ палочкѣ, которая была продѣта черезъ его носъ и, начавъ ее дергать, хотѣлъ заставить его лечь на землю, но верблюдъ, переходя съ рева могучаго звѣря въ дѣтскій слабый стонъ, не переставая жевать и поглядывать по сторонамъ, не желалъ повиноваться.

— Чокъ, чокъ, чокъ! — говорилъ хозяинъ, подергивая веревку, — чокъ, чокъ, чокъ!

Тутъ верблюдъ, фыркнувъ, потомъ нѣжно заплакавъ, согнулъ сперва переднія, затѣмъ заднія колѣни и съ тяжелымъ вздохомъ легъ совсѣмъ на свои, сложенные какъ на шарнирахъ, длинные ноги. Тогда между его мощныхъ, сытыхъ горбовъ положили коверъ и предложили желающимъ садиться.

— А что, если онъ сброситъ меня, когда будетъ подыматься, или, разсердившись, обернется и оплюетъ? — сказала я полусмѣясь, полусерьезно, глядя при общемъ поднявшемся гамѣ высоко поднятую спокойную голову животного.

— О нѣтъ, не бойтесь! — отвѣтилъ Дермишъ со смѣхомъ, — онъ очень смирный, — только покрѣпче держитесь.

Мой полумужеской костюмъ позволялъ мнѣ свободно сѣсть верхомъ, и я, взявшись одною рукой за горбъ какъ за луку, быстро очутилась на его спинѣ. Поправивъ поудобнѣ сидѣнье, я была уже готова его подымать, но, сознавая мое комичное положеніе, не могла удержаться отъ смѣха и не двигалась съ мѣста.

Мурашка выходила изъ себя: лаяла, ворчала, царапала бока верблюду, просясь ко мнѣ, но въ общей суматохѣ никто и не обратилъ на нее надлежащаго вниманія.

— Теперь держитесь, — сказалъ мнѣ наконецъ, Дермишъ-Али и сталъ дергать веревочку. — Чокъ, чокъ, чокъ!

Верблюдъ вдругъ страшно заревѣлъ и зашевелился, отчего я невольно закричала.

— Чокъ, чокъ, чокъ! и сильный, неожиданный толчекъ сзади напередъ чуть не перебросилъ меня черезъ голову. Едва я сообразила, въ чемъ дѣло, какъ второй такой же толчекъ привелъ мое тѣло совсѣмъ не въ нормальное положеніе, такъ какъ заднія ноги верблюда стояли, а переднія все еще по прежнему были согнуты на землѣ, и приходилось употребить не только силу, но и ловкость, чтобы усидѣть на мѣстѣ. — Чокъ, чокъ, чокъ! и снова одинъ, другой такіе же толчи спереди назадъ заставили меня сильно покачнуться, зато животное стало на ноги, а я хотя и очутилась какъ на вершинѣ высокой горы, но между двухъ горбовъ почувствовала себя прочно и удобно. Поднявшись вмѣстѣ съ верблюдомъ, я стала невидима Мурашкѣ, которая, испугавшись моимъ внезапному исчезновенію, подняла такой лай и суетню, что, наконецъ, обрати-

ла на себя вниманіе, и мнѣ ее передали на руки. Помѣстившись съ ней, какъ и на лошади, я сказала, чтобъ привели верблюда въ движеніе.

Дермишъ взялъ его за веревку и пошелъ по роцѣ.

— Скорѣй! — сказала я ему, покачиваясь при каждомъ шагѣ.

— Хорошо, только не бойтесь! — отвѣтилъ онъ и быстро побѣжалъ впередъ.

Верблюдъ, хотя отчаянно заревѣлъ, но проворно задвигалъ длинными ногами, и мы, очутившись внѣ рощи, понеслись по гладкой, широкой долинѣ, гдѣ я, важно сѣдя, раскланивалась со знакомыми киргизками, вышедшими изъ юрты посмотреть на насъ. Сдѣлавши небольшой кругъ, мы снова, перешагнувъ оврагъ, вернулись въ рошу. Всѣ встрѣтили меня веселыми распросами: какъ прокатилась, пріятно-ли и т. д.

— Прелестно! — отвѣтила я, выпрямляясь между горами, — на такомъ верблюдѣ я готова проѣхать всю степь. Дайте мнѣ веревочку, я теперь попробую поѣхать одна.

Мнѣ тотчасъ ее перебросили, и я, приговаривая: чокъ, чокъ, чокъ, такъ энергично задергала ею, что верблюдъ, съ силой закинувъ голову назадъ, заревѣлъ ужаснымъ голосомъ на всю долину, но это теперь меня не испугало, и я продолжала его подгонять. Скоро онъ отъ шага перешелъ въ рысь, и все казалось бы, шло благополучно, пока не пришлось поворачивать назадъ; тутъ я рѣшительно не знала, какъ съ этимъ справиться, и просила поскорѣе остановить верблюда, такъ какъ онъ безъ церемоніи потащилъ меня въ кусты. Дермишъ-Али находившійся подлѣ, сейчасъ же подхватилъ брѣшную мною веревку и повелъ его шагомъ обратно къ палаткамъ.

— Желаете сойти? — спросилъ онъ, останавливаясь.

— Да, да, теперь я знаю въ совершенствѣ всю прелесть верховой ѣзды на верблюдахъ! — отвѣтила я, смѣясь, при чемъ снова крѣпко ухватилась за горбъ, чтобъ не упасть отъ подобныхъ же толчковъ при опусканіи на землю.

Послѣ меня усѣлась моя компаньонка, которая была такъ забавна на немъ съ своими уморительными гримасами, комичнымъ покачиваніемъ и шутками, что возбудила общій хохотъ.

Такимъ образомъ окончилось наше катанье и всякія дневныя удовольствія. Поблагодаривъ Дермишъ-Али, мы простились съ нимъ и пошли въ юрту, вслѣдствіе уже рѣзко поднявшейся сырости и вечерняго холода. Послѣ ужина, часовъ въ девять мы уже находились въ постели. Ночь была тихая, но чрезвычайно холодная, такъ что подъ теплымъ одѣяломъ и шубой я еле могла согрѣться. Боль началась, какъ обыкновенно, но, вѣроятно, утомленіе было выше лихорадки, и я, ничего почти не чувствуя, проспала до утра.

На другой день, по обыкновенію, мы рано отправились на охоту. Хотя я и взяла свое ружье, которое съ необыкновенно гордымъ видомъ носилъ самъ Дермишъ-Али, но охотиться предоставила Ивану Павловичу, такъ какъ запасъ моихъ патроновъ истощался, и немногіе оставшіеся я поберегала для дальнѣйшаго пути, съ чѣмъ вполне согласился и Дермишъ.

Моя слава среди киргизовъ, какъ самаго искуснаго охотника, такъ упрочилась и стояла высоко, что искусство другихъ въ ихъ мнѣніи меркло передъ ней. Когда мы встрѣтили дичь, и Иванъ Павловичъ прицѣлился, они смотрѣли на него съ недовѣріемъ, и даже когда послѣ выстрѣла птица, завертѣвшись въ воздухѣ, упала на землю, Дермишъ-Али взглянулъ на меня вопросительно, какъ бы желая сказать: не удивляетесь-ли вы этому? Каково, и онъ убилъ!

Я старалась, какъ могла, увѣрить его, что этотъ господинъ гораздо лучший охотникъ, чѣмъ я, но онъ видимо, только изъ вѣжливости покачивалъ молча головой, какъ бы не желая мнѣ противорѣчить, и когда я умоляла, думая, что хотя немного убѣдила его, онъ вдругъ съ улыбкой торжеста приподнялъ высоко мое ружье и сталъ внимательнѣе прежняго его разсматривать.

Я засмѣялась увидя его уловку.

Охота эта была еще удачнѣе прежнихъ, и когда наступила невыносимая жара, мы вернулись домой, отягченные дичью. Войдя въ юрту, я увидѣла, присланную въ кожаныхъ чехлахъ, чайную посуду, и не успѣли мы немного отдохнуть, какъ намъ объявили, что званые гости идутъ цѣлой толпой. Хотя это было слишкомъ рано, но нечего было дѣлать, пришлось, по этикету выйти на встрѣчу дорогимъ гостямъ. Сейнепъ шла впереди, ведя за руку своего избалованнаго пятилѣтняго мальчика въ сафьяновыхъ сапожкахъ, подлѣ нея была стройная Айчука, жена Дермишъ-Али съ двумя дочерьми, жена его брата, и масса разныхъ женщинъ—старыхъ, молодыхъ, большею частью грязныхъ, уродливыхъ, съ грудными и нагими ребятишками, которые составляли ихъ свиту, такъ же какъ и толпа мужчинъ, которые безъ церемоніи, подойдя, окружили нашу юрту.

Поздоровавшись съ главными гостями, я просила ихъ войти въ юрту, куда, къ нашему удивленію, послѣдовала за ними вся грязная ватага женщинъ. Ребятишки распозлились по кибиткѣ и стали прикасаться къ постелямъ, отчего М-ль К. пришла въ ужасное волненіе, не зная, какъ устранить эту неприятность. Сейнепъ съ семьей сѣла на ковры, на полъ, а остальные помѣстились сзади. Джигитъ мой, какъ переводчикъ, сѣлъ на корточкахъ у порога. Мы не знали, чѣмъ занять такихъ необыкновенныхъ гостей, но, видя, что они осматривали, съ большимъ интересомъ наши кровати, одѣяла, простыни, подушки, потомъ одѣтые на насъ костюмы, рѣшили показать имъ все, что находилось въ нашихъ чемоданахъ. Открывъ обѣ стороны, мы начали вынимать одну вещь за другою преимущественно изъ бѣлья, которыя разсматривались съ необыкновенной подробностью. Они развертывали, встряхивали, ошупывали каждую пуговку, тесемочку, кружево и прежде чѣмъ мы могли взять вещь назадъ, она съ удивительной быстротой, переходя изъ рукъ въ руки, исчезала даже за юртой, гдѣ, ничего не соображающая толпа мужчинъ, разглядывала все съ такимъ же удивленнымъ любопытствомъ. Между прочимъ ихъ особенно занимали мохнатое полотенце, обувь и кружева. Мы объяснили имъ, что показать теперь ничего особенно интереснаго не можемъ, такъ какъ съ нами очень мало вещей.

— Да, да, конечно, мы знаемъ, что дома у васъ всего много—отвѣтила Сейнепъ, покачивая утвердительно головой.

Айчука настолько освоилась, что сидя рядомъ со мной, все время старалась обратить на себя мое вниманіе. Она разговаривала, смѣялась, прикладывала къ своей груди вещи, которыя мы показывали, какъ бы примѣряя къ себѣ, и когда я ей подала зеркало, то сперва, пристально взглянувъ въ свое лицо, начала улыбаться, дѣлать кокетливыя гримасы и, наконецъ съ жестомъ избалованнаго ребенка приподняла его въ уровень съ моимъ лицомъ, желая, чтобъ и я взглянула на себя. Съ граціозными и мягкими движеніями котенка она брала мою руку, гладила ее, разсматривала, прижимала крѣпко къ груди, какъ бы желая выразить свое великое, ко мнѣ расположеніе.

— Отчего нѣтъ твоей сестры? спросила я ее.

— Она спитъ, отвѣтила Айчука, прикладывая щеку къ ладони, чтобъ выразить яснѣе то, о чемъ она говорила.

На берегу рѣки на разостланномъ коврѣ, были разставлены киргизскія и наши чайныя чашки, а на тарелкахъ сахаръ, конфекты, сухія булки и черный хлѣбъ. Когда наши дамы и дѣвицы уѣлисъ вокругъ, то позади ихъ тотчасъ составилъ другой кругъ изъ ихъ приближенныхъ. Эти уродливыя, дикія женщины, точно хищныя птицы, пожирали глазами не только стоявшія лакомства, но и своихъ властительницъ, которымъ былъ розданъ чай и предложенъ сахаръ.

Сейнепъ и ея родственницы съ церемонными жестами и поклонами благодарили и брали тогда, когда имъ предлагали и поэтому приходилось все время обращать на нихъ вниманіе и усиленно угощать. Видя алчныя взоры хищницъ, я сказала повару, чтобы онъ успокоилъ ихъ аппетиты и чѣмъ нибудь угостилъ. Но какъ только у одной изъ дикарокъ очутился въ рукахъ чай, какъ она моментально, не выдержавъ, кинулась впередъ и схватила изъ тарелки кусокъ сахара. Мы засмѣялись и дали ей еще булку, которую она понюхала, какъ обезьяна, попробовала, дала кусокъ ребенку и остальное спрятала за пазуху. Жадность и зависть зажгли сердца остальныхъ, и рука за рукою стали протягиваться, выхватывая то сахаръ, то конфекты, то булки. Первые минуты они на насъ оглядывались, какъ бы боясь, что ихъ прибьютъ или прогонять, но видя наши веселыя лица, стали положительно расхищать, угощать дѣтей, прятать въ свои обширныя чалмы, даже раздавать мужчинамъ, сгруппировавшимся позади нихъ.

Моя компаньонка пришла въ полное негодованіе отъ такого нахальства и старательно угощала нашихъ настоящихъ гостей. Сейнепъ, увидя ея волненіе и понявъ сразу причину, весело засмѣялась, но ни слова не сказала этимъ дикимъ женщинамъ, чтобы ихъ остановить. Только, обратившись черезъ переводчика ко мнѣ, она сказала: „можетъ быть мы дѣлаемъ не хорошо, принимая отъ васъ угощеніе, какъ отъ путешественниковъ, у которыхъ не всегда бываетъ много запасовъ?“ Я отвѣтила, что онѣ могутъ брать все, что находилось передъ ними, такъ какъ отъ этого мы не потерпимъ недостатка. Чтобъ положить конецъ усиленному расхищенію, я посоветовала М-ль К. все, что еще

оставалось на тарелкахъ, роздать поровну между нашими гостями, которые весьма охотно приняли все предложенное имъ.

Когда, наконецъ, было осушено нѣсколько кунгановъ и нашихъ походныхъ чайниковъ чаю, всѣ встали и низкимъ поклономъ поблагодарили меня, затѣмъ, усѣвши на свои мѣста, начали вести съ нами разговоры. Меня хвалили, выражали радость, что со мной познакомились, вообще, прославляли и въ моемъ лицѣ ставили на высокій пьедесталъ всѣхъ русскихъ женщинъ. Я, въ свою очередь, велѣла имъ передать то удовольствіе, которое доставили мнѣ знакомство съ ними и благодарность за ихъ гостепріимство и любезность и что я очень желала бы отблагодарить ихъ сейчасъ, но, къ несчастью, у меня съ собой не было интересныхъ вещей, хотя черезъ мѣсяца два или три, когда, окончивъ мое настоящее путешествіе, прибуду въ Чимганъ, а оттуда въ Ташкентъ, то непременно, въ воспоминаніе о проведенныхъ здѣсь вмѣстѣ дняхъ, вышло имъ подарки.

Всѣ весело улыбаясь, благодарили поклонами.

Войдя затѣмъ то въ юрту, я нашла у себя въ саквояжикѣ нѣсколько бѣлыхъ бусинокъ, въ видѣ жемчужинъ, которыя отдала Айчукѣ, чѣмъ обрадовало ее до такой степени, что она покраснѣла, прижала ихъ къ груди, сконфуженная, потупила глаза. Тогда мать снова сдѣлала ей замѣчаніе, послѣ чего Айчука встала и низко поклонилась. Бусы пошли изъ рукъ въ руки и когда, наконецъ, обратно попали къ владѣльницѣ этого сокровища, то она бережно завязала ихъ въ свой шелковый длинный поясъ.

Стали прощаться, причемъ толпа, увидѣвъ, что наживы больше не будетъ, моментально разошлась и оставила насъ однихъ.

Мы всѣ пошли провожать гостей до предѣловъ нашихъ владѣній. Айчука шла рядомъ со мной и съ радостной улыбкой прижималась щекой къ моему плечу, то ласково заглядывала мнѣ въ глаза. Посреди рощи онѣ остановились, чтобъ еще разъ проститься, причемъ Сейненъ сказала, что не ушла бы отъ меня такъ скоро, такъ какъ у насъ очень весело и пріятно и готова была бы разговаривать цѣлый день, если бы я только могла понимать ихъ языкъ.

Я отвѣтила также, что сама очень сожалѣю объ этомъ, но чтожъ дѣлать? Приходится мириться!

Айчука, какъ бы въ подтвержденіе словъ матери, вдругъ обняла меня и, прижалась лицомъ къ моей груди. Я засмѣялась и погладила ея блестящіе черные волосы. Вдругъ она испуганно отшатнулась отъ меня и большими удивленными глазами взглянула мнѣ въ лицо.

— Что съ тобой, Айчука?

Она улынулась и снова, но не такъ ужъ смѣло, осторожно приложила ухо къ груди, какъ бы прислушиваясь къ біенію моего сердца.

Догадавшись, что ее поразило тиканье моихъ маленькихъ часовъ, я ихъ вынула и показала ей.

Она любовалась ими, какъ игрушкой, но не поняла въ чемъ дѣло.

Тогда я подставила ихъ къ ея уху, отчего она радостно засмѣялась и захлопала въ ладоши, какъ будто открыла тайну, такъ необыкновенно смутившую ее.

— Тикъ, тикъ, тикъ, — передразнила она часы совсѣмъ подѣтки.

— Тикъ, тикъ, тикъ...—говорила она, помахивая въ тактъ рукой по воздуху. Всѣ заинтересовались этимъ явленіемъ, и я должна была прикладывать часы ко всѣмъ любопытно подставленнымъ ушамъ.

Когда настало время намъ окончательно разстаться, то Сейнепъ, попрощавшись со мною, тотчасъ обратилась съ рѣчью къ моему джигиту. Понявъ, что она говорила не со мной, я ихъ оставила и направилась къ юртѣ. Вскорѣ нагналъ меня мой джигитъ и, вертя въ смущеніи свою мѣховую шапку, хотя съ видимымъ удовольствіемъ, сказалъ: „Сейнепъ меня спрашивала, что вы больше любите, корову, барана или лошадь? я и отвѣтилъ (тутъ онъ смѣло и горделиво поднялъ на меня глаза), что джендеральша больше всего любитъ смиренныхъ, но хорошихъ лошадей, которыя шибко бѣгаютъ...“.

— Зачѣмъ же она тебя объ этомъ спрашивала?

— Потому что она хочетъ прислать вамъ силу (подарокъ).—Тутъ онъ весь просіялъ.

— Зачѣмъ? мнѣ не нужны подарки, скажи ей, что это лишнее.

Удивившись, даже обидѣвшись за такое пренебрежительное отношеніе къ подарку, онъ пожалъ плечами и недовольнымъ голосомъ сказалъ: „я не знаю, меня спрашивала, я и отвѣтилъ, что зналъ, а она вѣрно сдѣлаетъ такъ, какъ говорила“.

Я засмѣялась и отошла.

Обѣдъ уже былъ готовъ, когда я возвратилась къ нашему временному жилищу. Мы усѣлись на коврѣ, кругомъ скатерти и мирно принялись за трапезу.

— Когда это вернется нашъ капитанъ, и мы двинемся въ путь? — спросила я, глядя задумчиво на тихо катившуюся передо мной рѣку.

— Вѣроятно завтра утромъ, — отвѣтилъ Иванъ Павловичъ; — послѣ завтра и выступимъ... Чтожъ, отдохнули, съ силами набрались, только вотъ теперь мнѣ нужно позаботиться о ногахъ, никакъ не думалъ, что обувь не выдержать... да, ужъ очень дорога плоха, говорилъ спокойно нашъ спутникъ, поглядывая на отлетавшія подошвы своихъ сапогъ.—Это замѣчаніе заставило меня и м-ль обратить также вниманіе на нашу обувь, которая оказалась еще довольно крѣпкой, хотя и требовала немного починки.

Чтобъ занять свое время, такъ какъ Иванъ Павловичъ отправился въ свою палатку чиниться, я пошла по рощѣ отыскивать подходящую березовую палку, на которую можно было бы опираться въ трудныхъ мѣстахъ предстоящаго еще намъ обратнаго пути и тутъ только замѣтила, что вся наша прислуга и казаки также занимались починкой сапогъ.

Но это обстоятельство видно никого особенно не смущало, такъ какъ всѣ, работая, весело говорили, смѣялись, и шутки слышались со всѣхъ сторонъ.

— Чтожъ удалось вамъ починить? — спросила я г-на Иванова, подошедшаго въ скоромъ времени ко мнѣ.

— Да, у казаковъ нашлось шило, нитка, и я думаю, что на нѣсколько дней могу быть спокоенъ. Но вотъ не знаю, какъ дойдутъ наши люди? Всѣ они положительно оборвались. Впрочемъ нужда всему научить: какъ нибудь, дастъ Богъ, и доберемся.

— Конечно, я почему то убѣждена глубоко, что всѣ мы вернемся, не только сравнительно здравы и невредимы, но довольные, съ пріятными воспоминаніями о пройденномъ пути и всѣхъ его невзгодахъ, — сказала я увѣренно.

— Дай Богъ, чтобы это было такъ!

Минуть черезъ десять послѣ этого, вдругъ передъ нами появился казакъ и, вытянувшись, сказалъ: „капитанъ идуть-съ!“

Мы радостно вскочили и взглянули впередъ. Дѣйствительно, капитанъ Козловскій медленно спускался съ горы, измѣряя пройденное пространство цѣпью, и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже съ нами.

Мы были рады его видѣть и забросали вопросами о его путешествіи.

— Одно могу сказать, — произнесъ онъ: — „Слава Богу, что вы не пошли со мной“. Во первыхъ, страшно неудобный, крутой и покрытый почти сплошнымъ снѣгомъ, перевалъ; во вторыхъ, — болота; въ третьихъ, — постоянныя переправы въ бродъ, которыя вслѣдствіе высоты. всѣ ужасно бурливы и каменисты. На одной изъ нихъ даже мергенъ призадумался, но я его ободрилъ, и онъ пошелъ въ воду. Тутъ, къ несчастію, лошадь его спотыкнулась, теченіемъ подбило ей ноги, и она вмѣстѣ съ нимъ свалилась въ пучину. На одну секунду они исчезли изъ нашихъ глазъ, затѣмъ появились на поверхности грохочущихъ волнъ порознь, какъ легкія пробки, то ныряя, то вертясь, то скользя, понеслись впередъ съ необыкновенною скоростью... Я скомандовалъ, и казаки моментально бросились на помощь. Скоро и благополучно ихъ вытащили изъ воды. Можете себѣ представить, каково ему было на такой высотѣ, гдѣ холодъ сковывалъ и наши члены, въ такомъ жалкомъ и мокромъ рубищѣ!

Во время разказа мергенъ, присѣвшій къ нашему обществу, внимательно слушалъ и, точно понимая, что рѣчь идетъ о немъ, съ тихой улыбкой покачивалъ головой, какъ бы желая этимъ сказать: да, да, все это было такъ, онъ вѣрно говорить.

— Ничего, мергенъ, и хуже, нерѣдко, бываетъ. не правда-ли? — весело обратился къ нему капитанъ.

Мергенъ лишь показалъ оба ряда своихъ мелкихъ блестящихъ зубовъ и еще усиленнѣе замахалъ головой.

— Тогда, — продолжалъ капитанъ, мы, перейдя все-таки на другую сторону, разложили костеръ, передъ которымъ всѣ, озябшіе и промокшіе до костей, начали грѣться и просушивать одежду. Конечно, я не терялъ ни одной минуты, чтобъ поскорѣе окончить мое порученіе и покинуть эти печальныя и опасныя мѣста.

— А вы какъ поживаете? Отдохнули-ли? Я издали еще замѣтилъ, что

вашей юрты нѣтъ и тотчасъ догадался, что перекочевали. Здѣсь хорошо, только немного сыро.

— Да, да, чудесно! Мы провели наше время очень пріятно. Однако вы хотите ѣсть и пить, — сказала я, подымаясь, чтобъ распорядиться объ обѣдѣ, но поваръ предупредилъ меня, и когда я подошла къ кухонной палаткѣ, то на яркомъ кострѣ грѣлся уже чайникъ, а въ кострюлѣ съ шипѣньемъ жарилась свѣжая баранина.

Вдругъ одинъ изъ киргизскихъ мальчиковъ прибѣжалъ и, задыхаясь, съ просіявшимъ лицомъ, объявилъ, что по каналу, окружающему насъ, плыветъ цѣлая семья утокъ.

Не выдержало ретивое охотниковъ и, взявъ ружья, Иванъ Павловичъ и капитанъ пошли въ указанное мѣсто. Черезъ нѣсколько минутъ раздались два выстрѣла и вскорѣ оба охотника явились съ двумя большими утками.

Мы согласились лечь какъ можно раньше, чтобъ по ружейному выстрѣлу, который послужитъ намъ сигналомъ, встать ровно въ пять часовъ утра и до жары выступить въ обратный путь.

Киргизы были очень огорчены, узнавъ о нашемъ отъѣздѣ, высказывали сожалѣніе въ самыхъ трогательныхъ словахъ и предлагали все, что у нихъ было съѣстного, къ нашимъ услугамъ.

Я благодарила и велѣла передать всѣмъ, особенно Сейнепъ и Айчукъ мой сердечный привѣтъ, на что они тотчасъ прислали сказать, что сами непременно выйдутъ завтра меня провожать.

Вечеръ и ночь были холодные. Безъ десяти минутъ пять утра я и М-ль К. уже не спали и ждали сигнала. Ровно въ пять, торжественнымъ гуломъ разнесся по рощѣ ружейный выстрѣлъ, который какъ бы заставилъ насъ ободриться и поспѣшно вставать. Холодъ положительно сковывалъ члены. Дрожа всѣмъ тѣломъ, я спѣшила окончить мой незатѣйливый туалетъ и, надѣвъ шубу и шапку, вышла изъ юрты. Солнце еще не показывалось изъ-за горъ, и сѣренькое непривѣтливое утро казалось непроснувшимся отъ тяжелаго, ночного сумрака; отъ рѣки вѣяло леденящимъ холодомъ и сыростью; только кое-гдѣ птички, какъ-бы нечаянно пробужденныя необычайнымъ движеніемъ, тревожно перепархивая, вопросительно и какъ-то грустно чирикали. Спрятавъ половину лица въ шубу, я подошла къ костру, сердито трещащему и дымившему, у котораго грѣлись и пили уже чай наши спутники и мергень. Киргизовъ еще не было; казаки собирали походное имущество; Дементій, укутанный пледомъ, нагнувшись, укладывалъ свою кухню и палатку. Всѣ, озябшіе, полусонные, вялые двигались по рощѣ, какъ-бы отыскивая что-то въ потьмахъ. Согрѣвшись немного чаемъ, я хотѣла взглянуть на моихъ лошадей, которыя уже порядочно пострадали отъ пройденнаго пути, и сказала джигиту, угрюмо стоявшему поодаль, подвести ихъ ко мнѣ, но онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ и не двигался съ мѣста. Спокойно повторила я свое приказаніе, и черезъ минуту животныя были предо мной.

— Вотъ,—сказалъ онъ, указывая на нихъ и, отвернувшись, ушелъ за кусты. У лошади, на которой ѣхала М-ль, спина еще не советѣмъ зажила, поѣ-

тому я приказала взять ее джигиту, а М-ль подать другую лошадь, такъ какъ подъ высокимъ сартовскимъ сѣдломъ, которое не касается спины, ѣхать было безопасно.

— Барыня! Барыня!—вдругъ заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ,— она и эту испортитъ, она всѣхъ лошадей испортитъ и всѣ лошади околѣютъ. Я не буду ей сѣдлатъ, нѣтъ, не буду!

Неудовольствіе, даже злоба выражались такъ сильно въ его глазахъ, что я, взглянувъ на него, чуть не расхохоталась; однако съ нимъ шутки были плохи, и поэтому я строго сказала: „хорошо, ты можешь считать себя свободнымъ и отправляйся куда хочешь пѣшкомъ, а мое приказаніе исполнить казакъ“. Не дожидаясь никакихъ объясненій, я круто повернула и велѣла позвать казака.

— Барыня! Барыня! не сердись, сейчасъ все будетъ готово, — сказалъ вдругъ джигитъ, подходя поспѣшно къ лошадямъ.

Я, не поворачиваясь и, какъ бы не замѣтивъ его словъ, отошла къ юртѣ. Черезъ полъ часа дѣйствительно лошади были готовы и ждали отъѣзда.

Попрошавшись съ киргизами, мы выѣхали изъ роши и издали, у самой дороги увидѣли группу ожидающихъ насъ женщинъ. При нашемъ приближеніи онѣ низко поклонились и подошли къ моей лошади. Особенно Айчука и ея мать, казалось, не могли со мной разстаться: онѣ гладили меня, трепали съ нѣжностью по плечу и все время въ самыхъ разнообразныхъ словахъ выражали свою симпатію ко мнѣ и сожалѣніе, что мы такъ скоро ихъ покидаемъ. Дермишъ-Али верхомъ провожалъ насъ до подъема и затѣмъ долго еще стоялъ внизу, наблюдая, какъ мы по извилистой тропинкѣ медленно подвигались вверхъ.

Послѣ двухдневнаго отдыха подъемъ этотъ казался намъ не только легкимъ, но даже пріятнымъ и въ какіе нибудь полтора часа мы были уже на его вершинѣ. Попрежнему роскошная трава и цвѣты украшали нашъ путь. Солнце уже было высоко, когда мы подѣхали къ воздушному мостику, который такъ сильно дѣйствовалъ на наши нервы. Теперь же онъ намъ вовсе не казался такъ страшенъ, и мы, балансируя и качаясь на тонкихъ перекладинахъ, съ помощью длинныхъ палокъ всѣ, какъ бы шутя, перешли на другую сторону. Я была поражена, видя, до чего можно было привыкнуть къ опасностямъ, и какъ голова, которая кружилась прежде при быстро текущей водѣ, теперь оставалась покойна, а ноги, ступавшія такъ нетвердо при видѣ опасности, смѣло переступали по скользкимъ, висѣвшимъ надъ пучиной безрезкамъ. Въ этотъ день передъ нами лежалъ еще тяжелый путь: нужно было перейти снѣжный перевалъ и затѣмъ, пользуясь подкрѣпленными силами, сдѣлать какъ можно больше переходъ. Энергіи у насъ было много и мы, переправившись на другую сторону, тотчасъ двинулись дальше. Вскорѣ показался и снѣгъ. Снѣжный мостъ, по которому мы такъ храбро перебѣжали пѣшкомъ раньше теперь на половину растаялъ и сдѣлался такъ тонокъ, что о переходѣ черезъ него нечего было и думать. Быстрая рѣчка била и клокотала, выбѣгая снизу изъ подъ его прозрачной ледяной коры. Остановившись, подивились мы ему и всей опасности, которой можетъ подвергнуться пѣшеходъ, не замѣтившій

прочности снѣга, но такъ какъ намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ переправиться на другую сторону, то мы, не размышляя долго, перебрались вбродъ и пошли дальше. Укутавшись снова въ шубы, мы двигались довольно быстро, такъ какъ лошади, не проваливаясь такъ сильно въ снѣгъ, шли гораздо бодрѣе. Конечно, этотъ переходъ былъ также труденъ, такъ же мучителенъ для бѣдныхъ животныхъ и для насъ, какъ и прежде, но, благодаря, вѣроятно, новому запасу силъ, намъ казалось это несравненно легче, впрочемъ не для всѣхъ: М-ль положительно заболѣла и едва держалась на сѣдлѣ, одинъ казакъ тоже совсѣмъ свалился на землю въ припадкѣ лихорадочнаго пароксизма. Положеніе было не веселое, тѣмъ болѣе что двигаться нужно было не останавливаясь, да и остановиться было гдѣ. Спустившись въ сухую долину, покрытую душистыми цвѣтами, мы сошли съ лошадей и, усталые, всѣ, точно по сигналу, легли на траву. Больнымъ дали большіе дозы хины, а здоровые подкрѣпили себя чаемъ и взатымъ съ собою молокомъ. Черезъ часъ мы уже продолжали путь. Солнышко засвѣтило ярче и скоро пришлось не только снять пальто и платки, но испытать жгучій, почти тропическій жаръ, пропекающихъ насквозь, лучей, хотя, несмотря на всѣ эти переменны, мы ѣхали не останавливаясь. Вотъ и Мечеть-Ташъ виденъ издали, вотъ и печальная стоянка, гдѣ пришлось намъ провести ужасную, холодную ночь, вотъ и пустынная мѣстность голыхъ камней, гдѣ мы подъ дождемъ едва двигались, скользя между ихъ остріями. Тяжело, тяжело и теперь, но все это было далеко не то, что въ темный дождливый вечеръ, послѣ столькихъ волненій страха и не ѣвши почти полсутки. Теперь лошади идутъ смѣло, ступая по опасной дорогѣ и весело поднявши головы и настороживъ уши, прибавляютъ шагу, какъ бы чуя скорый отдыхъ. А вотъ и мостъ черезъ Ана-Ульгамъ ужъ виденъ издали. Все было, повидимому, одно и то же, только настроеніе и силы были другія. Передъ мостомъ мы пошли пѣшкомъ и, перепривнувъ нѣсколько горныхъ ручьевъ, овраговъ, трещинъ и глыбъ, поднялись по крутой тропинкѣ, покрытой осыпью и переправились на другую сторону, гдѣ шумъ и хлокотанье неугомонной рѣчки и покосившійся съ провалами мостъ не поразили насъ болѣе и мы перешли его, не задумываясь по одиночкѣ, почти шутя. Подъѣзжая уже верхомъ къ аулу, капитанъ К-скій обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „устали-ли вы?“.

— Совсѣмъ нѣтъ, и чувствую себя отлично.

— Въ такомъ случаѣ не доберется ли намъ сегодня до Пскема? Мы видѣли, что мостъ лѣваго берега Ана-Ульгамъ существовалъ и что, перебравшись по немъ на другую сторону, мы, сокращали на нѣсколько верстъ дорогу и, не дѣлая большихъ остановокъ, могли сегодня смѣло дойти до Пскема. Конечно, это была прекрасная мысль и я, не задумываясь отвѣтила: „ѣдемъ!“.

— Не доѣдетъ-ли М-ль К., вѣдь она, кажется, совсѣмъ нездорова? Я сейчасъ ее спрошу.

— Oh, que je serais heureuse de me trouver maintenant á la maison. Que je me trouve mal! Oui, madame, allons, allons plus vite possible, car

Pskeme me parait dans ce moment comme un paradis terrestre! воскликнула она.

Когда объявили о нашемъ намѣреніи Ивану Павловичу, онъ усумнился въ его исполнимости и совѣтовалъ раньше, какъ можно лучше распросить киргизовъ, но капитанъ отвѣтилъ, что отъ нихъ вѣрнаго указанія нельзя никогда добиться и настаивалъ идти и идти безостановочно впередъ. Однако у аула задержались и спросили о мостѣ черезъ Ана-Ульгамъ. Его нѣтъ, отвѣтили киргизы. Какъ же нѣтъ? вѣдь онъ виденъ отсюда, воскликнулъ капитанъ, указывая рукою въ сторону, откуда виднѣлся мостъ.

— Черезъ него идти нельзя, ни одинъ киргизъ не рѣшится идти по немъ!

— Какой вздоръ! а дорога тамъ дальше до Пскема хороша?

— Нѣтъ, тамъ и баранъ не идетъ, совсѣмъ плохо!

— Обманщики! вѣдь въ Пскемѣ намъ говорили совсѣмъ другое, что дорога хорошая, только нѣтъ моста. У нихъ и спрашивать не стоитъ!

— Пойдемте и узнаемъ сами, — сказала я, выѣзжая впередъ. — Во всякомъ случаѣ имъ вѣрить нельзя, а этимъ путемъ, оставляя въ сторонѣ ужасный, надъ пропастью воздушный мостъ и труднѣйшій надъ нимъ подъемъ, мы неизмѣримо облегчимъ и сократимъ себѣ путь.

Оставивъ удивленныхъ киргизовъ, мы энергично повернули и галопомъ удалились отъ аула. Иванъ Павловичъ положительно не вѣрилъ въ возможность выполненія нашего плана, но ѣхалъ такъ же спокойно и охотно вмѣстѣ съ нами, какъ это онъ дѣлалъ до сихъ поръ.

— Предупреждаю васъ, — обратился къ намъ капитанъ, — что успѣхъ сегодняшняго дня зависитъ отъ быстроты нашихъ лошадей. Подгоняйте, не жалѣя, въ виду хорошаго и продолжительнаго отдыха.

Нагайки при общемъ молчаніи приподнялись, и лошади прибавили шагъ. На рѣчкѣ, къ которой мы подъѣхали, былъ мостъ; да, но что сказать о немъ? Только одна, самая незначительная часть его, виднѣлась изъ-подъ воды, остальная же скрывалась подъ kloкочущими, своевольными, кипучими волнами. Впрочемъ вода казалась не глубокой, и капитанъ, ступивъ на мостъ, оцупалъ палкой скрытыя мѣста и, шагая осторожно, убѣдился, что онъ не только цѣлъ, но даже крѣпокъ. Выбора не было и поэтому, положивъ нѣсколько большихъ камней, мы, съ помощью палокъ и нашихъ спутниковъ, стоявшихъ почти по колѣно въ водѣ, перескакивали съ камня на камень и такимъ образомъ все-таки благополучно перебрались на тотъ берегъ, а остальные перѣехали вбродъ. Велика была наша радость, когда мы, не теряя ни секунды, вскочили на лошадей и двинулись въ гору по широкой и мягкой тропинкѣ между высокой желтоватой травой, хотя мало-по-малу утомленіе на лошадяхъ начало чувствоваться, и онѣ значительно уменьшили ходъ. Солнце какъ-то незамѣтно склонилось къ западу и на насъ повѣяло вечерней прохладой, рука съ нагайкой стала лѣнливѣе подниматься, мы начали отставать другъ отъ друга, а व्यюки пропали совсѣмъ изъ виду.

— Не добратся намъ до Кара-Кыза сегодня, нѣтъ, — согласилась съ грустью и я.

— А какъ же быть съ Каракизскимъ мостомъ? Вѣдь Николай Михайловичъ изслѣдовалъ тогда и рѣшилъ, что переправиться нельзя. Какъ же перейдемъ мы его теперь?—спросилъ Иванъ Павловичъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, я и забыла объ этомъ обстоятельствѣ, — сказала я, — впрочемъ увидимъ, не будемъ теперь смущаться, такъ какъ возвращаться во всякомъ случаѣ поздно. Конечно, это рискованно, и мы можемъ потерять два добрыхъ невозвратныхъ дня.

Капитанъ то и дѣло поварачивался на сѣдлѣ, упрасивая насъ ѣхать поскорѣе. Мы, какъ могли, подгоняли животныхъ, но скоро устали сами и, не дѣлая болѣе усилій, понуро поѣхали совсѣмъ шагомъ. Солнце уже замѣтно пряталось, и его косые лучи еле касались верхушекъ, окружающихъ насъ горъ. Наконецъ съ послѣднимъ отблескомъ дня капитанъ подѣхалъ къ намъ и сказалъ печально: „намъ нужно искать мѣсто для ночлега, такъ какъ дѣлается темно, а Богъ знаетъ, сколько еще осталось до моста“. Съ этими словами онъ, взявъ съ собою мергена и казака, удалился отъ насъ.

Мы ѣхали, точно по хребту горы, куда снизу доносился шумъ и плесканье волнъ. Черезъ полчаса, почти уже въ полномъ мракѣ спустились мы по террасамъ, поросшимъ густой, выше человѣческаго роста, травой и колючками, на избранную для ночлега площадку. Мѣстами такъ было круто и такъ запутано зарослями, что пришлось оставлять лошадей и съ большими затрудненіями идти пѣшкомъ. Наконецъ, добравшись, разставили палатки, зажгли костры, поставили чайники, приготовили ужинъ, и все оживилось.

На другой день, какъ только кончили чай и уложились, тотчасъ до жары покинули лагерь.

— А какъ вы думаете, Николай Михайловичъ, насчетъ Кара-Кыза? Вѣдь вы не нашли тогда брода; какъ же мы преправимъ теперь лошадей? — спросила я у капитана.

— Я увѣренъ въ томъ, что мы найдемъ средство и переправимъ ихъ. Идемте и не бойтесь!

— Что-жъ тѣмъ лучше, я не боюсь и готова, куда угодно идти и даже, если будетъ неудача, я также спокойно вернусь и пойду кругомъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть, назадъ намъ не придется возвращаться, — говорилъ съ увѣренностью капитанъ, на что Иванъ Павловичъ только недовѣрчиво покачивалъ головой. И дѣйствительно, чѣмъ ближе подвигались мы къ этому заколдованному мѣсту, тѣмъ сильнѣе возрастало наше недовѣріе. Наконецъ, къ половинѣ перваго по полудни увидѣли мы передъ собой безконечный каракизскій спускъ. Въ началѣ онъ былъ довольно удобенъ, хотя крутой и слишкомъ каменистый, но частые зигзаги облегчали затрудненіе, и мы свободно спускались длинной вереницей пѣшкомъ, а лошади, оставленные безъ провожатыхъ, осторожно ступали за людьми. Версты двѣ все шло благополучно, пока дорожка не стала суживаться, дѣлаться круче и, наконецъ, почти незамѣтная, потянулась вдоль рѣки надъ kloкочущей бездной. Тутъ предъ нами открывалась вся печальная картина обваловъ, которые сдѣлали недоступнымъ

берегъ этой рѣчки и воздушнаго, причудливой формы, желаннаго моста, необходимаго для нашего перехода. Капитанъ шелъ впереди, видимо озабоченный и взволнованный, такъ какъ брода нигдѣ не было замѣтно. Угрюмые, мы также шли упрямо впередъ съ сознаніемъ, что людямъ перейти еще кое-какъ возможно было, но лошадямъ ни въ какомъ случаѣ. Впрочемъ, это думали такъ мы, а не опытный капитанъ. Солнце уже страшно палило и, раскаляя камни, прибавляло еще болѣе духоты, какъ вдругъ тропинка, приближаясь уже къ мосту, слилась съ крутой, безъ растительности, каменистой горой и исчезла со всѣмъ. Ногѣ рѣшительно негдѣ было упрочиться, и мы рисковали при каждомъ шагѣ соскользнуть въ пропасть и быть поглощенными бурливой рѣкой.

— Остановитесь! — сказалъ, оборачиваясь къ намъ капитанъ, — я одинъ прежде изслѣдую эти мѣста, хотя я думаю, что все это не такъ опасно, какъ кажется. — Мы послушно, молча остановились и ждали.

Шутка-ли было возвращаться снова по этой крутизнѣ, чтобы идти дальше и по худшей еще дорогѣ! съ грустью думали мы, стоя надъ обрывомъ, вглядываясь въ бурлившую подъ нами рѣку, какъ вдругъ неожиданно увидѣли мы на противоположномъ берегу капитана, который, вмѣстѣ съ мергенемъ, поспѣшно чинилъ недостатки моста. Это подбѣствовало на насъ ободряюще, и мы, скользя, обрываясь, съѣзжая внизъ по крутому скату, цѣпляясь за сухую траву, кустики, колючку, пошли, не задумываясь, впередъ. Нѣсколько сажень по такой опасной дорогѣ пришлось почти ползти на рукахъ, пока кое-какъ ступили мы на искусственный — весьма непрочный деревянный карнизъ, который гнулся, трещалъ и качался подъ нашими ногами. Мы держались другъ за друга, шли бокомъ, при чемъ голова кружилась отъ высоты и непрочности нашего положенія. Перейдя и эту часть, мы очутились передъ знаменитымъ мостомъ, на который чтобы ступить, все таки нужно было еще спуститься по совершенно гладкой, почти какъ вышлифованной горкѣ. Пока мы размышляли, какъ бы осторожно сойти, чтобы быстрымъ налетомъ не разрушить окончательно моста, м-ль, не сказавъ намъ ни слова, съѣла на ея вершину и, подбравъ свое платье, съѣхала, какъ на салазкахъ, внизъ. Увидя это, мы смѣялись вмѣстѣ съ ней надъ ея подвигомъ, который, казалось, былъ совершенъ безъ всякаго сознанія малѣйшей опасности. Мостъ оказался раздѣленнымъ на двѣ половины высокой, гладкой скалой, и чтобы попасть на вторую его половину, нужно было перелѣзть черезъ скалу. Капитанъ ждалъ меня и, взявъ мою руку, осторожно повелъ впередъ. Но въ этомъ переходѣ затрудненіе было не малое, такъ какъ ноги проваливались между хворостомъ, оставляя за собой слѣды разрушенія. Прутья гнулись, трещали и ломались, вслѣдствіе чего, ступивъ шагъ впередъ, возврата не было, и мы волей, неволей, вдвоемъ, балансируя и мягко покачиваясь надъ бездной, шли безповоротно впередъ. Сердце замирало, то трепетало, когда подъ невѣрнымъ шагомъ дѣлался провалъ, и нога, теряя всякую опору, повисала на воздухѣ, подъ мостомъ. Ощущеніе, хотя короткое, но не скажу, чтобы было пріятное, и поэтому мы лишь только на противоположномъ берегу свободно вздохнули и невольно перекрестились.

— Знаете, Николай Михайловичъ, сказала я, если лошади не въ состояніи будутъ перейти, что, кажется, навѣрное, то мы, во всякомъ случаѣ, не вернемся, а пойдемъ пѣшкомъ до Пскема, только достаньте намъ чайникъ, немного провизіи и мою палку. Капитанъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе. Минуть черезъ пять послѣ того прибѣжалъ, задыхаясь отъ волненія и тяжелой ходьбы, казакъ и, стоя на противоположномъ берегу, объявилъ, что всѣ व्यюки ушли назадъ и не хотятъ возвращаться, говоря, что перехода нѣтъ и что они рисковать собой и лошадьми не желаютъ.

— „Вернуть сію минуту всѣхъ назадъ!“—скомандовалъ разсерженный капитанъ и откомандировалъ за бѣглецами двухъ конныхъ казаковъ. Остальная прислуга и лошади стояли на спускѣ горы, не смѣя двинуться ни взадъ, ни впередъ. Когда мой поваръ, блѣдный и взволнованный, перешелъ мостъ, то тяжело вздохнувъ, какъ послѣ страшнаго труда, сказалъ тоже, что и раньше: „еслибъ вы, барыня, не были на этомъ берегу, то я клянусь, ни за какія сокровища міра не пошелъ бы черезъ эту чертовщину! Одинъ Господь сподобилъ насъ еще увидѣть этотъ свѣтъ! Страсть, страсть!“—говорилъ онъ качая съ ужасомъ головой, „гдѣ пришлось намъ идти!“.

Казакъ передалъ черезъ мергена чайникъ, провизію и сказалъ, что व्यюки возвращаются. Мергенъ же неумоимо, какъ муравей, сновалъ по мосту взадъ и впередъ, подкладывая хворостъ, укладывая палки и каменья, переплетая отверстія и все это дѣлая безъ перерыва послѣ перехода каждаго человѣка, а капитанъ, не теряя энергіи и вѣры въ благополучный переходъ по ту сторону, снова занялся съ казаками разработкой карниза въ скалѣ для лошадей. Топоры и заступы стали энергично дѣйствовать, стуча и звеня о каменисто-глинистый грунтъ и не болѣе какъ черезъ часъ, правда, послѣ тяжелаго труда, появилась надъ самой рѣкой узенькая, но довольно прочная дорожка. Жара была ужасная. Усѣвшись на выступѣ скалы, мы занялись чаемъ, чтобы поменьше вникать въ ужасъ работы и не смотрѣть на переправу животныхъ. Иванъ Павловичъ обрекъ свою старую лошадь на вѣрную смерть, не надѣясь, что ея старыя ноги выдержатъ при переходѣ черезъ такой узкій карнизъ. Мы ничего не говорили, только ждали со страхомъ конца этой ужасной переправы. Наконецъ все было готово и повели первую несчастную лошадь, она дрожала всѣмъ тѣломъ, съ испугомъ глядѣла по сторонамъ и, упираясь, едва освобождала изъ подъ ломающагося хвороста усталыя ноги, но когда ее втащили на скалу, то бѣдное животное почувствовало всю безвыходность своего положенія и стуча полуразбитыми подковами о голый камень, сѣвъ на заднія ноги, сѣхала на мостъ, но при сильномъ напорѣ переднія ноги провалились. Мы въ ужасѣ закрыли глаза, думая, что конецъ животному вмѣстѣ съ провожатымъ, но лошадь рванулась, стала на крѣпкое мѣсто и пошла впередъ. Нѣсколько разъ ея ноги и казака находились подъ мостомъ, но животное храбро боролось и, хотя мостъ почти совсѣмъ былъ разоренъ, они благополучно перебрались. Такимъ образомъ началась переправа лошадей, которыя, я и до сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ могли перейти узенькій, высѣченный казаками карнизъ и какъ онѣ, спускаясь со скалы, не

исчезали подъ мостомъ. Мergenъ, каждый разъ послѣ переправы, ждалъ уже съ охабкой прутьевъ и камней, чтобы приняться снова за починку, которая подъ руководствомъ капитана шла быстро и успѣшно. Часа черезъ три съ половиной мы все съ лошадьми благополучно собрались вмѣстѣ и поздравляли капитана съ такой блестящей, безъ всякаго урона, переправой. Безъ такого мужества, энергіи и опытности, какія онъ проявилъ на этотъ разъ, переходъ былъ бы немислимъ. Этотъ подвигъ былъ достоинъ удивленія, и мы отъ души поздравляли капитана и благодарили его. Отдохнувъ болѣе нравственно, чѣмъ физически, мы сѣли на лошадей, намѣреваясь подыматься по этой страшной, разоренной промоинами, крутизнѣ, чтобы выбраться поскорѣе изъ ущелья „Черной дѣвушки“. Иванъ Павловичъ поѣхалъ въ гору стороной, но, увидѣвъ, что для лошади очень трудно, слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ, а же отправилась прямо, почему мнѣ пришлось двигаться по невозможной крутизнѣ и вскарабкаться на возвышающуюся передо мной отвѣсную площадку, за которой дорога шла уже значительно лучше. Ударивъ сильно лошадь, я хотѣла однимъ прыжкомъ очутиться на ней, но животное, сдѣлавъ отчаянный прыжокъ, не достигло ея и, ставъ на заднія ноги, вытянулось на дыбахъ и если бы не мое спокойствіе и присутствіе духа, то оно могло перевѣсить своимъ грузнымъ тѣломъ назадъ и грохнуться вмѣстѣ со мной въ пропасть. Какъ молнія мелькнула передо мной эта картина, и я ударила лошадь съ такой силой и энергіей, что она рванулась впередъ, а я со страшнымъ толчкомъ очутилась на площадкѣ. Оглянувшись назадъ, я увидѣла, глядящую на меня съ испугомъ, М-ль. Oh, madame, quel horrible danger vous venez de courir! Non, non, quelle que suit la difficulté d'aller á pied, je n'irai, non, Dieu me garde!

Ей посовѣтывали пустить лошадь впередъ и пользоваться ея хвостомъ въ видѣ поддержки, что она, хотя сперва со страхомъ, но исполнила, чѣмъ много облегчила себѣ путь. Нѣсколько разъ пришлось намъ отдыхать, пока добрались мы до мягкой и удобной дорожки, обсаженной чудной, гигантской арчой. Тутъ мы, видя себя далеко отъ всехъ пережитыхъ опасностей и думая, что онѣ болѣе не повторятся, отдыхали душой, но это была жестокая ошибка, такъ какъ только впереди начинались наши настоящія затрудненія. Черезъ часъ послѣ подъема вблизи Пскема, вслѣдствіе жары и утомленія расположились мы подъ тѣнью деревьевъ, а такъ какъ наши запасы провизіи истощились, то мы послали мергена и повара въ Пскемъ, чтобы первый принесъ бы намъ кое чего съѣстного, а второй, чтобы приготовилъ обѣдъ къ вечеру. Часовъ въ шесть послѣ отдыха выѣхали мы въ селеніе, гдѣ, аскакаль и большая половина обитателей вышли къ намъ на встрѣчу и приветливыми улыбками и поклонами выказали свое радушіе. Еще по дорогѣ узнали мы, что въ Пскемѣ жили нѣсколько дней какіе-то русскіе. Мы тотчасъ догадались, что это былъ Г. Ошанинъ *), путешествующій пѣшкомъ съ семина-

*) Теперь директоръ Ташкентской женской гимназіи и извѣстный естествоиспытатель.

ристами, такъ какъ намъ пришлось уже встрѣтиться разъ, и онъ сказалъ, что скоро будетъ въ этомъ селеніи.

Вмѣстѣ провели мы весь вечеръ, который въ разсказахъ прошелъ незамѣтно, а на другое утро они ушли, оставивъ насъ снова однихъ. Когда мы встали, то перешли на ихъ мѣста, чтобъ укрыться подъ тѣнь единственныхъ въ цѣломъ селеніи нѣсколькихъ развѣсистыхъ ивъ. День былъ очень томительный и жаркій. М-ль К. чувствовала себя такъ плохо, что не выходила изъ палатки и ни съ кѣмъ не говорила.

Послѣ безконечнаго чая подали намъ обѣдъ, затѣмъ снова чай и, наконецъ, когда солнце стало скрываться, мы только тогда покинули наши мѣста и расправили усталыя ноги. Съ мергенемъ мы должны были разсчитаться, такъ какъ онъ говорилъ, что не знаетъ хорошо мѣстности, куда намъ пришлось теперь идти, но, не смотря на увольненіе его отъ службы, онъ все время просиживалъ у насъ и хотя ничего не говорилъ, но глядѣлъ и ласково улыбался. Какъ ни жалко было съ нимъ разставаться, приходилось искать другого проводника. Между прочимъ мергенъ передавалъ, что насколько ему извѣстно, этотъ перевалъ въ настоящее время, послѣ весеннихъ разливовъ, тоже непроходимъ, но такъ какъ онъ объ этомъ говорилъ неувѣренно, то и мы не придали его словамъ серьезнаго значенія. Однако проводника, какъ мы ни хлопотали, какъ ни бились съ аксакаломъ не находилось; всѣ отказывались, ссылаясь на незнаніе дороги и на опасность перехода.

Но мы не вѣрили и обратились опять къ мергеню, который, къ удивленію нашему, съ охотой согласился снова идти съ нами. „Какъ нибудь да доберемся!“—сказалъ онъ весело и сталъ спрашивать о дорогѣ у болѣе свѣдущихъ.

Мы пробыли еще одинъ день, за то подкрѣпленные, особенно лошади, 15 іюля, въ 7 часовъ утра, во главѣ мергеня, выступили на перевалъ Курумъ-Джунъ (сухая дорога). Всѣ были веселые, довольные и не думали о предстоящемъ пути, который намъ казался почему то легкимъ и незначительнымъ. Солнце свѣтило ярко, небо какъ всегда было безоблачное, воздухъ прекрасный, и мы, весело болтая, быстро подвигались вверхъ. Не болѣе какъ въ саженьяхъ двадцати отъ селенія, начался уже значительный подъемъ, гдѣ, главнымъ образомъ, огромные камни загромождали такъ весь путь, что лошади едва могли переступить. Но это насъ мало смущало, такъ какъ вершина перевала казалась передъ нами настолько близко, что мы не сомнѣвались достигъ ее въ самомъ скоромъ времени. Я ѣхала на одной изъ выючныхъ лошадей, которая хотя и была чисто горной породы и удивительно ловко карабкалась на высоты, но такъ заморена, что при малѣйшемъ усиліи задыхалась, дрожала всѣмъ тѣломъ и едва держалась на ногахъ. Я взяла ее затѣмъ, чтобъ освободить отъ выюка, который былъ гораздо тяжелѣе меня и дать маленькій отдыхъ нашимъ лошадямъ. Двигаясь съ трудомъ впередъ, мы однако не теряли надежды отыскать тропинку и потому, несмотря на утомленіе, весело переговаривались между собой. Къ несчастію сколько мы ни шли, ничего кромѣ мертвыхъ руинъ, да верхушекъ горъ, не было видно, и подъемъ дѣ-

лался все круче и круче, покрытый крупной осыпью, по которой лошади, едѣлавъ два шага вверхъ, почти полтора съѣзжали назадъ; опоры подъ ногами не было никакой и бѣдныя животныя ранили ноги, задыхались и, наконецъ, выбившись изъ силъ, останавливались сами.

— Гдѣ же дорожка, которая должна насъ вести къ вершинѣ?—спросила я съ удивленіемъ у мергена.

— Дорожки никакой нѣтъ,—отвѣтилъ онъ спокойно,—весной все размыто дождями и разрушено осыпью.

— Да вѣдь это гораздо труднѣе, чѣмъ идти по снѣжному перевалу! — воскликнула м-ль К., съ отчаяніемъ хлопнувъ себя руками по колѣнямъ.

— Конечно, но что-жъ дѣлать? — сказала я еще довольно храбро, — поѣдемъ, есть-же какой нибудь выходъ отсюда! А вотъ пока взгляните на чудесный видъ съ горы,—перебила я сама себя, обращая въ шутку наше тяжелое положеніе. Всѣ невольно повернулись на сѣдлахъ и дѣйствительно восхитились представившейся у нашихъ ногъ картиной. Гдѣ-то, далеко внизу, какъ съ птичьяго полета, откуда люди казались муравьями, раскрывалась передъ нами, какъ на ладони, во всей своей красотѣ, такъ недавно желанная и покинутая нами сартовская деревушка Пскемъ. Убогія лачужки, лентообразная голубая рѣка и лиловые силуэты горъ казались какъ-то необыкновенно красивы, а движеніе людей и скота придавало всему этому особый живой и въ то же время миниатюрный, какъ въ панорамѣ, видъ. Пока мы любовались, рассматривая подробности, лошади, стоя, тяжело дышали, а казаки, которые должны были идти пѣшкомъ, сидя на камняхъ, съ мрачными, почти озлобленными лицами, молча отдыхали. Когда мы двинулись снова, цѣлая масса щебня съ глухимъ шумомъ скатилась изъ-подъ ногъ внизъ, унося съ собой все, дерзнувшее нарушить мертвящій покой неприступной, мрачной мѣстности. Движеніе становилось такъ трудно, такъ медленно и такъ невыносимо тяжело, что люди и животныя едва уже передвигали ноги и переводили духъ. Несмотря на все это, ни одной минуты я не теряла надежды на благополучный исходъ и съ энергіей шла впереди всѣхъ. Лошадь моя, изнемогая, останавливалась каждаго пять минутъ, но мы, ободряемые близостью вершины, которая казалась тутъ же, какъ могли подгоняли животныхъ и успокаивали нѣкоторыхъ изъ людей, уже упавшихъ духомъ. Вотъ, вотъ, казалось нѣсколько шаговъ, и мы должны очутиться на перевалѣ, вотъ только дойти до груды камней и тутъ ужъ рукой подать. Лошадь моя, цѣпляясь, со стономъ съѣзжала внизъ, но все таки достигла каменной площадки, гдѣ можно было остановиться отдохнуть. Но каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что вершина, которую казалось уже достигли, исчезла, закрытая другимъ хребтомъ, за которымъ находилась большая площадь и ущелье. Что было дальше? Еще неизвѣстно. Покинувъ лошадей, усталые, нѣсколько минутъ мы сидѣли молча, погруженные въ самихъ себя. Тяжело было на душѣ при видѣ всей этой обстановки изнеможенныхъ лошадей, утомленныхъ и полубольныхъ людей и какъ-то невольно вспоминался уютный домъ, постель и всѣ удобства, отъ которыхъ мы добровольно и такъ охотно отказались. Но все это переносилось бы въ десять разъ

легче, но крайней мѣрѣ мною, если бы у меня снова не начался пароксизмъ лихорадки и зубная боль. Это обстоятельство было такъ тяжело и такъ портило все впечатлѣніе, отымая энергію, что я минутами едва могла держаться на сѣдлѣ, хотя отъ этого движеніе не замедлялось, и мы мужественно подвигались впередъ. М-ль К., хотя и чувствовала себя тоже очень плохо, но не роптала, удивляясь сама своей выносливости и терпѣнію. Всѣ, кромѣ меня и м-ль, шли пѣшкомъ: кто опираясь на палки, кто уцѣпившись за лошадинъ хвостъ, а кто просто такъ, едва передвигая ноги. Такимъ образомъ, спустившись съ площади внизъ, въ ущелье, намъ приходилось снова карабкаться на вершину, но свернувъ немного вправо, мы очутились надъ пропастью, безъ всякаго признака дорожки, гдѣ острые, большіе камни, разбросанные горами по мелкой осыпи, при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ, скатывались, увлекая за собой все, что попадалось на пути, отчего приходилось сторониться и лавировать во всѣ стороны, чтобъ не полатиться ногами, а то и самой жизнью. Ѣхать верхомъ здѣсь, конечно, не было никакой возможности, да и пѣшкомъ тоже, нельзя сказать, чтобъ было особенно лучше. Одинъ мергенъ съ удивительною ловкостью взбирался по камнямъ, хотя такъ же, какъ и всѣ, скатывался вмѣстѣ съ ними, но не падалъ и, держась все время прочно на ногахъ, быстро всходилъ снова пройденное пространство, успѣвая въ то же время подхватывать падающаго впереди, то втаскивалъ на-верхъ изнемогающаго. Лошади были предоставлены самимъ себѣ и разбрелись далеко по всей горѣ, какъ бы отыскивая лучшую дорогу. Мергенъ шелъ впереди всѣхъ, а я и м-ль туть-же за нимъ. Кое-какъ двигались мы надъ самой пропастью, въ зависимости отъ каждаго ничтожнаго камня, милостиво держащаго наши измученныя ноги, но все-таки не заглядывая внизъ и не поворачиваясь назадъ, мы находили возможность идти впередъ, какъ вдругъ неожиданно очутились передъ отвѣснымъ, какъ стѣна, выступомъ, совершенно загораживающимъ дорогу. Возвращаться назадъ, спускаться по этимъ камнямъ и искать неизвѣстнаго не доставало у насъ мужества. Мергенъ ловкимъ прыжкомъ очутился на большомъ камнѣ, затѣмъ какъ-то, вцѣпившись руками, упершись ногами и колѣнями, онъ сталъ лѣзть какъ кошка и скоро очутился на выступѣ.

— Идите сюда! — сказалъ онъ, стоя надъ нами, какъ статуя, на широкомъ каменномъ пьедесталѣ, грозно нависшемъ надъ раскрытой подъ нимъ, какъ пасть чудовища, бездной. — Здѣсь лучше, чѣмъ тамъ, — указалъ онъ на казакѣвъ, выбивающихся изъ силъ, карабкающихся по страшной крутизнѣ.

— Да, видалъ я много уже во всю мою службу опасныхъ и, казалось, непроходимыхъ мѣстъ, но признаюсь ничего подобнаго не случалось испытать, — сказалъ спокойно и какъ бы даже равнодушно Иванъ Павловичъ.

— Какъ? — воскликнулъ горячо капитанъ, — вы не видѣли худшаго? Ну, батюшка, счастливы же были вы! А я такъ видѣлъ виды!

— Но скажите, какъ можете вы ухудшить настоящее положеніе? — спросилъ снова Иванъ Павловичъ.

— Да вотъ, напримѣръ, шелъ я почти по такому же скату, надъ самой пропастью, на днѣ которой, вдобавокъ, бушевала горная рѣка и кромѣ того

мѣсто не такъ, какъ здѣсь, гдѣ можно, хотя и съ трудомъ, но безъ особой опасности, двигаться по всей горѣ; тамъ некуда было ступить, лошади вибивались изъ силъ, и двѣ изъ нихъ, скатившись вмѣстѣ съ глыбами, на моихъ глазахъ погибли въ рѣкѣ. А затѣмъ бураны и морозы, которые застигали не однажды меня, да и многихъ топографовъ среди подобной же обстановки, только несравненно выше и подъ единственными бурками; засыпанные снѣгомъ, намъ приходилось согрѣваться лишь зажженнымъ спиртомъ или коньякомъ. Подъ тягостью одолавающаго сна и страхомъ уснуть навсегда, положеніе было несравненно опаснѣе и тяжелѣе настоящаго!

Все, что говорилъ капитанъ, была неоспоримая истина, но все-таки мнѣ казалось, что онъ говорилъ все это только потому, что боялся упадка нашего духа и энергіи. Но до этого было еще далеко, и мы переносили бы все даже съ удовольствіемъ, если бы не чувствовалась болѣзненность въ пораженномъ лихорадкой организмѣ.

— Однако, что-же намъ дѣлать съ этой горой? — спросилъ Иванъ Павловичъ, глядя вверхъ на стоящаго въ безмолвномъ ожиданіи мергена.

— Лѣзть на нее, — отвѣтила я, смѣясь.

— Именно, все, что нужно теперь сдѣлать, — сказалъ капитанъ и сталъ взбираться. Привыкшій къ подобнаго рода трудностямъ, онъ быстро очутился на верху, но мы, мы были положительно безпомощны, хотя я была увѣрена, что капитанъ найдетъ средство переправить какимъ нибудь образомъ и насъ. Дѣйствительно, черезъ минузу онъ сказалъ:—вотъ веревка съ узломъ, держитесь за нее, и мы будемъ тащить васъ кверху, только держитесь покрѣпче, иначе паденіе можетъ быть опасно... а вы, Иванъ Павловичъ, подталкивайте, пока возможно и будьте на сторожѣ!—Эта мысль мнѣ понравилась и я, взявшись за веревку и упираясь ногами въ стѣну, быстро стала подыматься и благополучно ступила на выступъ. Тоже продѣлала м-ль, а за ней уже самостоятельно г. И-въ.

Вотъ мы преодолѣли и это препятствіе и гордо стояли на каменномъ утесѣ, оглядывая мѣстность, въ надеждѣ отыскать лучшую дорогу для облегченія себѣ дальнѣйшаго пути. Передъ нами лежалъ еще высокій, крутой и не менѣе прежнихъ трудный подъемъ, за которымъ дѣйствительно видѣлся настоящій желанный перевалъ, одинъ видъ котораго ободрилъ насъ и, какъ волшебствомъ, уничтожилъ болѣзненное ощущеніе слабости. Не теряя ни минуты стали мы карабкаться, стараясь достигнуть большихъ пластовъ уже появляющагося мѣстами снѣга, по которому идти было гораздо легче и такимъ образомъ, достигнувъ скоро площадки, мы, также и прислуга остановились немного отдохнуть. Мы сѣли на каменные глыбы и, глядя безотчетно, утомленнымъ взоромъ впередъ, молча наслаждались отдыхомъ. Лица всѣхъ были пасмурны и недовольны. Лошади, понутивъ головы, тяжело дышали. Однако, въ бездѣйствіи нельзя было долго оставаться, и мы, какъ по сигналу, встали со своихъ мѣстъ.

Поднявшись и спустившись благополучно въ послѣднюю лощину, мы, наконецъ, стали подыматься къ перевалу, гдѣ дорога пошла гораздо легче, такъ

какъ снѣгъ болѣе крѣпкій лежалъ уже сплошной массой. Ни звука, ни шеста, ни стука копытъ не было слышно во все время нашего восхожденія, и одно лишь хриплое дыханье лошадей, да изрѣдка вырвавшійся изъ человеческой груди тяжелый вздохъ нарушали этотъ мертвящій покой. Даже мергень и тотъ казался печаленъ и, опустивъ голову на грудь, заложивъ руки за спину, молча шагаль передо мной.

Вдругъ въ этой общей тишинѣ послышался жаркій разговоръ двухъ, возбужденныхъ до полного озлобленія, голосовъ. Обернувшись, я увидѣла моего джигита и казака въ угрожающихъ позахъ, готовыхъ къ рукопашному бою. Рѣшивъ, что это дѣло не серьезное, я продолжала подыматься, сдѣлавъ видъ, что ничего не замѣтила, но не успѣла я пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ позади меня послышалась, къ счастью на сартовскомъ языкѣ, усиленная брань и звуки очень похожіе на полновѣсныя пощечины. Остановивъ лошадь, я на этотъ разъ дѣйствительно увидѣла, какъ разсвирѣпѣвшій джигитъ бросилъ казака на землю и билъ его, сколько хватало силъ. Когда я велѣла прекратить драку, то, къ удивленію всѣхъ, казакъ былъ не только побѣжденъ, но даже позорно отброшенъ въ сторону и съ приниженнымъ жалкимъ видомъ пойманнаго плутишки отошелъ прочь и притихъ надолгое время, но такъ какъ это былъ самый несимпатичный, дерзкій до нахальства и поэтому нелюбимый всѣми казакъ, то его не только не пожалѣли, но въдобавокъ осыпали градомъ насмѣшекъ и остротъ. Когда я отдавала приказаніе на счетъ бойцовъ, то почувствовала, какъ моя лошадь стала тихо наклоняться книзу и прежде чѣмъ я успѣла сообразить въ чемъ дѣло, грохнулась на землю. Я положительно инстинктивно высвободила ногу изъ стремени и, отбросившись въ противоположную сторону, упала на снѣгъ. Это было сдѣлано такъ неожиданно и въ тоже время осторожно со стороны животнаго, что я, очутившись рядомъ съ нимъ, громко засмѣялась и, вскочивъ на ноги, стала подымать мою бѣдную, измученную лошадку, которая едва поднялась и дрожала всѣмъ тѣломъ, но такъ какъ выбора не было, то я, сѣвши на сѣдло, приказала своему джигиту вести ее и такимъ образомъ поддерживать хотя немного остатки ея падавшихъ силъ.

Несмотря на то, что начался сплошной и глубокій снѣгъ, было теплѣе, чѣмъ на первомъ перевалѣ, и мы, снявъ съ себя шубы, хотя медленно и съ большимъ трудомъ, но за то безостановочно двигались наверхъ. Часа черезъ полтора отъ послѣдняго подъема достигли мы, наконецъ, желанной вершины, гдѣ остановились только за тѣмъ, чтобы рѣшить какимъ образомъ и въ какомъ мѣстѣ начать спускаться, такъ какъ передъ нами разстилался необъятно широкій скатъ, съ одной стороны покрытый камнями и вязкой грязью, а съ другой сплошнымъ снѣгомъ, подъ которымъ клокототала бурливая рѣка. Скатъ былъ такъ крутъ, что казался пропастью, и если бы мы не были въ такомъ безвыходномъ положеніи, стоя на вершинѣ хребта въ 1000 футовъ высоты, пройдя уже такую страшную дорогу, то можно было бы смѣло сказать, что этотъ спускъ непроходимъ, но теперь объ этомъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ другого выбора не было и намъ, во что бы то ни стало, приходилось

идти по немъ. Несмотря на опасеніе промочить себѣ ноги, ѣхать верхомъ не было никакой возможности: съ первыми шагами лошадей мы рисковали навѣрное перелетѣть черезъ ихъ головы. Послѣ тщательнаго осмотра дороги капитанъ рѣшилъ нѣкоторое пространство до снѣга идти пѣшкомъ по вязкой глинѣ, а тамъ дальше по снѣжному мосту, какъ ни казалось это опаснымъ, такъ какъ раньше не было никакой возможности изслѣдовать его прочность, но въ виду еще болѣе рискованнаго пути подъ градомъ падающихъ камней, приходилось оказать этой дорогѣ предпочтеніе, какъ лучшей.

Впослѣдствіи я узнала отъ самаго капитана, что казаки, увидѣвъ весь ужасъ этого спуска послѣ всѣхъ пережитыхъ мученій, подняли ропотъ, такъ что ему пришлось властью командира ихъ усмирить и, указывая на насъ, весело и спокойно перепрыгивающихъ съ камня на камень, пристыдить малодушныхъ бунтовщиковъ.

Я спускалась, опираясь на руку Ивана Павловича, М-ль К. шла съ мергенемъ, а капитанъ отыскивалъ и указывалъ намъ лучшую дорогу.

— Осторожно, берегитесь!—послышался сверху чей-то страшно испуганный голосъ. Мы остановились и увидѣли, оглянувшись, огромной величины камень, который, какъ легкій резиновый мячъ, въ прыжку скакалъ прямо на насъ, но такъ какъ отъ толчковъ онъ быстро мѣнялъ направленіе, то мы, стоя на мѣстѣ и наблюдая за нимъ, не могли рѣшить, какую ему слѣдовало уступить сторону, какъ вдругъ, ударившись о выступъ, камень сдѣлалъ страшный скачекъ вправо и быстро унесся отъ насъ въ противоположную сторону, увлекая за собой все, что попадалось ему на пути. Чтобы убѣдиться, не грозитъ ли намъ еще такая опасность, мы взглянули кверху и въ ужасѣ, вскрикнувъ, замахали отчаянно руками одному изъ провожатыхъ, шедшему спокойно съ выюкомъ, на котораго игривыми легкими скачками, какъ бы шутя, неслась огромная каменная глыба. Обернувшись и увидѣвъ опасность, онъ схватилъ поводъ и только успѣлъ быстрымъ движеніемъ отдернуть лошадь въ сторону, какъ въ эту минуту, едва не коснувшись ея ногъ, съ шипѣньемъ и свистомъ разсѣвая воздухъ, пронеслось мимо нихъ чудовище. Оторопѣвъ, лошадь присѣла на заднія ноги и, видимо слегка контуженная, стала прихрамывать. Подъ градомъ такого каменнаго дождя, мы должны были ступать осторожно, чтобъ не оборваться и не смѣшаться въ этой естественной бомбардировкѣ. Вообще переходъ затруднялся еще тѣмъ болѣе, что мѣста, не прикрытыя камнями или осыпью были страшно вязки, а попадавшіеся камни, на которые мы старались все таки ступать, едва держались и вмѣстѣ съ нами съѣзжали внизъ. Достигнувъ такимъ образомъ снѣжнаго моста, крутизна котораго была невѣроятна, мы слегка отдохнули, затѣмъ, сѣвъ верхомъ, рѣшились какъ нибудь спускаться. Конечно, самое лучшее было идти пѣшкомъ, но такъ какъ это для насъ, дамъ, было невозможно, по случаю слишкомъ тонкой обуви, то и приходилось, хотя съ большимъ трудомъ, но держаться на сѣдлѣ. Капитанъ, взявъ подъ уздцы мою лошадь, посоветовалъ мнѣ держаться, какъ можно крѣпче, такъ какъ снѣгъ оказался обледенѣлымъ и летѣть приходилось, какъ съ ледяной горы. Откинувшись назадъ и упершись ногою въ стремя, я была го-

това на какую угодно скачку и даже съ удовольствіемъ ждала минуты отхода, но при первомъ шагѣ лошадь, сѣвъ на заднія ноги и упершись передними, сдѣлала видъ полного нежеланія слѣдовать за нимъ и только благодаря льду и крутизнѣ, она, почти не дѣлая никакихъ усилій, стала скользить за тянувшимъ ее капитаномъ, который, какъ на конькахъ, быстро зашагалъ впередъ.

— Какъ это было хорошо! Свѣжій вѣтеръ обдувалъ мое разгорѣвшееся лицо, трепалъ волосы, игралъ полями шляпы и насвистывалъ прямо въ уши удалую, веселую пѣсенку, отъ которой на душѣ стало весело, и чудное настроеніе точно взволновало сердце, подняло бодрость духа и возстановило силы.

Полулежа на сѣдлѣ, я такъ весело смѣялась, точно это было катанье среди шумнаго и веселаго общества на Рождественскихъ праздникахъ. Да, все это казалось чудесно и такъ необыкновенно!

Въ сторонѣ отъ насъ, увидѣли мы, почти въ одинаковомъ положеніи со мной М-ль К., которая спускалась вмѣстѣ съ мергеномъ только съ большими предосторожностями и гораздо медлениѣ насъ, но, увидѣвъ меня, она храбро выпрямилась, замахала своей китайской шапкой и весело закричала: „Voilà une bonne promenade! Vivate! Uppa!“ и заболтавъ руками и вытянувъ ноги наравнѣ съ шеей лошади, отъ восторга чуть не упала. Мы расхохотались, но такъ какъ не прерывали нашего путешествія, то моментально опередили ихъ и болѣе не слыхали ея забавныхъ и комичныхъ возгласовъ. Вскорѣ съ другой стороны съ разгорѣвшимся лицомъ, скользя такъ же, какъ на конькахъ, нагналъ насъ Иванъ Павловичъ и, весело поклонившись, быстро пронесся дальше. Что за чудесный и необыкновенный спускъ.

Еслибъ мнѣ не пришлось испытывать всего этого самой, не видѣть своими глазами скользящихъ и стремящихся, точно въ пропасть, лошадей вмѣстѣ съ сѣдоками, то это казалось бы чѣмъ то сказочнымъ, невозможнымъ! Между тѣмъ это была истина, не преувеличенная ни въ воображеніи, ни въ ощущеніи ни на одну іоту.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ такого быстрого движенія я страшно устала и просила остановиться, чтобы слегка передохнуть. Поставивъ лошадь бокомъ къ скату, капитанъ бросилъ уздечку, вытеръ, градомъ катившійся со лба, потъ, вынулъ папиросу и намѣревался уже закурить, какъ вдругъ моя лошадь склонила какъ-то странно голову, и едва я, наученная уже горькимъ опытомъ, соскочила на землю, какъ она грохнулась на бокъ. Сердце мое больно сжалось при видѣ страданія бѣднаго животнаго, которое, казалось мнѣ, было и его послѣднимъ страданіемъ, но, къ удивленію, когда распустили подпруги, она, отлежавшись немного, поднялась и поддерживаемая джигитомъ, конечно, безъ сѣдока, кое-какъ поплелась дальше.

Капитанъ тотчасъ распорядился, чтобъ поймали и привели его лошадь, а я въ ожиданіи стала согрѣвать въ своемъ пальто промокшую и озябшую собачку, которая съ жалобнымъ лаемъ просилась мнѣ на руки. На лошади держать ее теперь невозможно было и не смотря на ея усердную просьбу она должна была бѣжать снова по обледенѣлому снѣгу. Сѣвъ на мужское сѣдло, мнѣ первую минуту казалось, что я непременно должна перелетѣть черезъ

голову лошади, но упрочивъ хорошо ноги въ укороченныхъ стременахъ и откинувшись сильно назадъ, послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ осторожно шаговъ мы снова весело понеслись внизъ.

Но вотъ вскорѣ снѣгъ началъ исчезать и мѣстами приходилось идти по липкой грязи. То утопая въ глинѣ, то въ снѣгу, то переправляясь черезъ кипучіе ручьи и рѣчки все время при одинаковой крутизнѣ мы сдѣлали еще двѣ версты съ половиной и такимъ образомъ, подымаясь семь съ половиною верстъ и спускаясь четыре съ половиною, мы, усталые, почти до болѣзни измученные, душой стремились къ желанному отдыху, котораго, къ несчастью, достигли не ранѣе восьми часовъ вечера въ долинкѣ надъ рѣкою Кумъ-Гезенъ.

Къ вечеру я чувствовала себя такъ плохо, что первымъ моимъ движеніемъ было броситься на разостланный М-ль К. на землю плащъ и лежа безъ движенія прислушиваться къ боли распухающей щеки. Но когда всѣ пришли въ порядокъ, уѣхавшихъ вокругъ ковра, на которомъ клубился паръ отъ кипящаго чая и жаренаго мяса, я невольно подняла голову и, взглянувъ на всѣхъ, съ улыбкою сказала: „Какъ я рада, что мнѣ случилось пройти именно этотъ перевалъ и съ нимъ испытать всѣ ужасы нравственныхъ и физическихъ мукъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ я наглядно видѣла и раздѣляла печальную судьбу топографовъ; убѣдившись опытомъ, насколько тяжелъ ихъ трудъ, какимъ бѣдствіямъ, лишеніямъ, болѣзнямъ, переменамъ атмосферы, и разнымъ невзгодамъ подвергаются они, я очень удивляюсь, что тяжелая служба ихъ такъ мало всѣмъ известна“.

— „Да, дѣйствительно“,—сказалъ грустно капитанъ, „бывали, бывали минуты, когда страстно хотѣлось, чтобы кто нибудь заглянулъ къ тебѣ, чтобы понять, въ какую человѣкъ можетъ попасть обстановку и чего, чего не вынести! Казалось сочувственный глазъ, дружеское слово хоть на одну секунду внесли бы счастье, согрѣли душу и восстановили падающую энергію. Да, неизгладимыя впечатлѣнія! Какой, помнится, охватывалъ ужасъ, когда бывало на страшной высотѣ неизслѣдованнаго еще пути, застигнутый бураномъ, безъ свѣта приходилось просиживать подъ снѣгомъ цѣлыя ночи и не знать когда же конецъ, да и какой конецъ, когда человѣкъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы не впасть въ забытіе замерзающаго, а тутъ думы одна ужаснѣе другой, картины покинутой семьи смѣнялись безъ перерыва, подъ конецъ какое то отчаяніе охватывало наболѣвшую душу. Ну, а пріѣхавъ домой, засталъ всѣхъ здоровыми, веселыми, отъ начальства получилъ благодарность и все, кажется, забывъ, все прошло и точно вдвое счастливѣе сталъ. Такъ кто же можетъ знать о насъ, да и кому какое дѣло! Съ вашимъ же присутствіемъ настоящая командировка, не смотря на всѣ затрудненія, прошла для насъ, какъ удовольствіе, и видя терпѣніе, не покидающую ни на минуту веселость и энергію, по видимому, такихъ слабыхъ спутницъ, я отъ полноты сердца восклицаю: да здравствуютъ дамы и ихъ мужество!“ Да здравствуютъ топографы и ихъ труды! отвѣтила я весело.

На слѣдующее утро поднялись мы рано и, быстро собравшись, отправились дальше. День начинался великолѣпный, не жаркій, и въ природѣ чув-

ствовалась какая то тишина и довольство, точно все улыбалось и торжествовало. Одной мнѣ только было совѣмъ не по себѣ отъ усилившейся боли щек и лихорадочнаго состоянія, но не смотря на все это, мы бодро подымались на очень крутую гору, тропинка на которую, только послѣ всѣхъ пройденныхъ затрудненій, казалась удобной и даже легкой. Затѣмъ, переваливъ, стали спускаться по узкому и высокому отрогу, заключенному между рѣчками Кумъ-Гезенъ и Айгыръ-Джигальганъ до ихъ соединенія, откуда рѣка получаетъ названіе Угама, и пошли въ бродъ черезъ разлившіеся на широкое пространство многочисленные ея рукава, но, не доѣзжая до конца, мы остановились на одномъ изъ попавшихся островковъ, подъ большой аркой, чтобы отдохнуть и немного закусить, такъ какъ съ утра, выѣхавши съ мѣста ночлега, мы ничего еще не ѣли. Я боролась, не поддаваясь своей болѣзни, но меня такъ сильно всю разломало, что я чувствовала почти непреодолимое желаніе лежать и въ то время, когда всѣ съ большимъ аппетитомъ, подкрѣпляли свои силы, я легла на песокъ и, положивъ голову на камень, моментально впала въ полузабытѣе, Услыхавъ сборы, я стряхнула съ себя удручающую дремоту, энергично сѣла на лошадь и попрежнему продолжала путь.

Переpravившись окончательно черезъ рѣку, мы стали подыматься въ гору, чтобы перейти теперь на правый берегъ Угала. Тутъ зеленые кустарники, прекрасныя арчи, лентообразная голубая рѣка, причудливые спуски, подъемы, необыкновенныхъ формъ холмы, ручьи, каскады, какъ въ панорамѣ, украшали нашъ путь, отъ котораго, казалось, самая черствая душа и та должна была невольно придти въ восторгъ.

Хорошо я помню эту необыкновенную по красотѣ мѣстность, хотя вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, это впечатлѣніе осталось у меня, какъ послѣ сна. Не смотря на то, что дорога казалась удобной, намъ много разъ приходилось слѣзать съ лошадей и по узкимъ и болѣе опаснымъ мѣстамъ пробираться по одиночкѣ пѣшкомъ. Когда же тропинка становилась сравнительно гладкой и широкой, всѣ въ общей глубокой тишинѣ, ощутивъ поводи, на далекое пространство разбредлись среди этой роскошной природы. Ѣхавъ намъ пришлось долго, солнце уже зашло, влажный вѣтерокъ подулъ въ разгоряченное лицо и, казалось, свѣжестью своею придавъ болѣе бодрости и силы. Что то отраднее, точно съ дуновеніемъ вечерняго зефира новая надежда и наплывъ энергій взволновали сердце, и я вдругъ, какъ бы стряхнувъ съ себя тяжесть, глубоко вдохнула и почувствовала себя легче. Но вотъ, въ общей тишинѣ, когда я ушла всецѣло въ себя, мнѣ послышался таинственный шопотъ мергения, который упрямивалъ меня не шевелиться. Я остановила лошадь и взглянула на него, онъ снялъ съ плечъ ружье, рогатину и прицѣлился совѣмъ точно въ меня. Я поняла, что вблизи находится, вѣроятно, какая нибудь дичь и, оглянувшись, дѣйствительно увидѣла на деревѣ большого чернаго голубя. Въ эту минуту раздался выстрѣлъ, и подстрѣленная птица упала въ двухъ шагахъ отъ меня.

— Молодецъ! хорошо стрѣляешь, — сказала я сіяющему отъ счастья мергеню.

Солнце уже совсѣмъ почти скрылось, когда мы подъѣхали къ рѣкѣ Аргынъ-Джиканъ (жеребецъ пропасть), черезъ которую лежалъ довольно плохой мостъ, но такъ какъ рѣка была не глубока, то наши лошади переправились вбродъ, а мы перешли по немъ и въ двухъ верстахъ расположились на ночлегъ. Утромъ 17 числа, вставши, я чувствовала себя уже несравненно лучше. Дорога по прежнему продолжалась живописная, удобная, и мы, точно среди роскошной Швейцаріи, любовались чудными видами, съ восторгомъ передавая другъ другу свои впечатлѣнія, но когда достигли вершины перевала Кокъ-Бель (зеленый перевалъ), то передъ нами открылась еще прекраснѣе, еще восхитительнѣе картина Кызылъ-Тала (красныхъ деревьевъ). Широкая, раздѣлившаяся на многія рукава рѣка съ зелено-изумрудными островками, ослѣпительно блистала при солнечныхъ лучахъ, извиваясь, какъ змѣйка, уходя и прячась между густой растительностью на необъятное пространство ровной долины, замкнутой со всѣхъ сторонъ причудливыми силуэтами снѣжныхъ вершинъ.

Мы долго стояли на горѣ и молча любовались картиной, затѣмъ, спустившись внизъ, стали переправляться вбродъ черезъ очень широкую, но мелкую и прозрачную, какъ кристаллъ, рѣку, по которой, при наступившей жарѣ, даже духотѣ идти было въ высшей степени пріятно, и всѣ съ жадностью вдыхали полной грудью свѣжій и влажный воздухъ. Подъѣхавъ къ близъ лежащему аулу, чтобы спросить чего нибудь выпить, мы были тотчасъ окружены толпой киргизовъ и киргизокъ, которые съ любопытствомъ вглядывались и разсматривали наши лица. На нашъ вопросъ, нѣтъ ли у нихъ молока? они почему то всѣ отвѣчали отрицательно.

— А айрамъ есть? (кислое молоко) — спросила я одну изъ близъ стоящихъ подлѣ меня женщинъ.

— Нѣтъ и айрама нѣтъ.

Чтобъ убѣдиться болѣе въ ихъ непонятномъ негостепріимствѣ относительно насъ, мы стали спрашивать всѣхъ, кто первый попадался на глаза и каждый изъ нихъ отвѣчалъ одно и то же: нѣтъ, да и только. Нечего было дѣлать, приходилось мириться и оставить ихъ въ покоѣ, но желая дать слегка отдохнуть лошадямъ, мы завели съ ними разговоръ.

— Какая ты красивая! — обратилась я къ весьма миловидной пожилой женщинѣ въ бѣлой чалмѣ, которая, услыхавъ похвалу, радостно улыбнулась и сверкнувъ отъ удовольствія черными, большими глазами, приложила руку къ сердцу и низко поклонилась.

— Да, очень красивая, — подтвердила и м-ль К.

Услыхавъ второй подобный комплиментъ, киргизка не выдержала и, повернувшись, въ одно мгновеніе исчезла въ юртѣ, откуда черезъ секунду появилась съ большой, новой чашкой, наполненной свѣжимъ айрамомъ и съ привѣтливой улыбкой начала насъ угощать. Напившись, я укоризненно покачала головой, на что въ отвѣтъ она только весело засмѣялась и дружески потрепала меня по плечу. И такъ, благодаря могущественной силѣ похвалы, которая, къ удивленію, дѣйствовала совершенно одинаково какъ на людей культурныхъ, такъ и дикарей, мы вдоволь утолили мучившую насъ жажду и пришли въ са-

мое веселое настроеніе. Увидѣвъ такую переѣмъ по отношенію къ намъ одной киргизки и всѣ остальные моментально измѣнились и, точно отъ прикосновенія магической палочки, почувствовали къ намъ непреодолимую симпатію. Нѣсколько киргизовъ кинулись на бѣшено и неотступно атаковавшихъ насъ все время собакъ и, водворивъ миръ и тишину, наперерывъ предлагали намъ угощеніе. Когда все это происходило, мы увидѣли очень интересную сцену, познакомившую насъ съ нѣкоторыми подробностями киргизскаго этикета. Изъ одной наиболѣе отдаленной юрты вышла высокая, казалось стройная, съ ногъ до головы въ бѣломъ женщина и, опираясь на длинный посохъ, плавной походкой, медленно приближалась къ намъ. Когда можно было ее разглядѣть, мы съ удивленіемъ увидѣли въ ней древнюю морщинистую старуху, которая, не смотря на свой престарѣлый возрастъ не лишена была величія въ манерахъ и осанкѣ. Прикрывая рукой отъ свѣта подслѣповатые глаза и отражаясь удивительной бѣлизной своей одежды на солнцѣ, она спокойно подвигалась впередъ. Въ это же самое время изъ другой юрты вышла молоденькая, какъ ребенокъ, киргизка и собиралась безпечно погрѣться на солнцѣ, подлѣ своего жилища и издали поглядѣть на насъ, какъ вдругъ увидѣла старуху, быстро подошла къ ней и со сложенными крестообразно на груди руками и со сложенной головой почтительно опустила передъ ней на колѣни. Картина была чудесная, особенно когда старуха наклонилась къ юному созданію и снисходительно протянула руку, какъ бы желая ее поднять, но, не давъ до себя коснуться, молодая женщина быстро встала и, робко поцѣловавъ ее въ плечо, отошла въ сторону; также сдѣлали многія другія, пока старуха не скрылась въ одной изъ ближайшихъ намъ юртъ. „Кто это такая?“ — спросила я съ удивленіемъ переводчика, передъ которой, какъ передъ святой преклоняются и прикладываются съ такимъ благоговѣніемъ.

Это у насъ обычай пріѣтствовать такъ почетныхъ гостей, отвѣтилъ мнѣ молодой киргизъ.

Поговоривъ еще немного, мы поѣхали дальше, но не болѣе, какъ верстъ черезъ пять, около двухъ часовъ пополудни, капитанъ посоветовалъ намъ остановиться, чтобъ, отдохнувъ, какъ слѣдуетъ, мы могли на другой день съ разсвѣтомъ выѣхать и добраться въ одинъ переѣздъ до Ходженента, селенія, лежащаго въ 15 верстахъ отъ Чимгана.

Всѣ согласились и отправились отыскивать мѣсто стоянки.

Переѣхавъ одинъ рукавъ рѣки, мы очутились на прелестномъ, покрытомъ густой травой, кустарниками и деревьями островкѣ, гдѣ съ наслажденіемъ растянулись подъ благодатной ихъ тѣнью. Когда все было готово, и мы всѣ вмѣстѣ усѣвшись на коверъ передъ раскинутой палаткой, стали пить чай, то увидѣли подѣзжающаго къ намъ верхомъ очень тучнаго киргиза, который шагахъ въ двадцати отъ насъ привязалъ лошадь къ кусту и, подойдя, низко поклонился. Это былъ Кизиль-талскій аксакалъ, по имени Копбегень, въ праздничномъ шелковомъ халатѣ, бѣлой чалмѣ и новыхъ сапогахъ съ калошами. Онъ хотя и былъ настоящій атлетъ по сложенію, но съ очень добродушной широкой фізіономіей, съ откровенной во все лицо улыбкой и узкими смѣющимися глаза-

ми. Мы просили его сѣсть и угостили чаемъ. Сперва все пили молча, но когда аппетиты были удовлетворены, особенно нашего гостя, то мало по малу завязался оживленный разговоръ. Онъ спросилъ, кто мы такіе, почему путешествуемъ, между прочимъ обратилъ вниманіе на мою завязанную щеку и, узнавъ что у меня болятъ зубы, предложилъ лѣкарство, отъ котораго я, конечно, отказалась, спросилъ также, когда мы намѣревались выѣхать и затѣмъ сталъ прощаться, обѣщая скоро пріѣхать. Дѣйствительно, не успѣли мы пообѣдать, какъ увидѣли его съ пятью братьями, богатырями, которые, приблизившись, по обычаю, низко поклонились и усеѣлись все вокругъ ковра, на которомъ уже стоялъ готовый чайникъ съ чаемъ, Копбегень, не говоря ни слова, сталъ разливать его въ стаканы и чашки, потомъ, взявъ изъ мѣшка сахаръ, сталъ давать по куску братьямъ съ видомъ отеческой заботливости и наливалъ до тѣхъ поръ, пока не изсякла вся вода; тогда онъ махнулъ имъ рукой и они, какъ по сигналу, опрокинули вверхъ дномъ стаканы, встали и молча удалились отъ насъ. Копбегень остался одинъ и просидѣлъ почти до вечера, не переставая наливать себѣ чай изъ вновь приготовленныхъ чайниковъ. Это казалось намъ очень забавно и мы безъ стѣсненія смѣялись надъ нимъ, къ чему онъ, повидимому, относился очень равнодушно, такъ какъ только изрѣдка взглядывалъ на насъ и самъ добродушно улыбался. Передъ самымъ заходомъ солнца онъ попрощался, обѣщая завтра утромъ пріѣхать насъ проводить.

Стемпилось очень быстро и повѣяло сыростью и холодомъ. Мы сейчасъ же легли спать, и крѣпкій сонъ почти моментально охватилъ нашъ лагерь. Я уснула не хуже другихъ, какъ вдругъ проснулась отъ сильного холода. Не разобравъ въ чемъ дѣло, я завернулась плотнѣе въ одѣяло и, повернувшись, хотѣла снова погрузиться въ благодатный сонъ, но рѣзкій холодъ обдалъ мое лицо, и я, невольно открывъ глаза, приподнялась на кровати.

Что это? Темно, а вѣтеръ воетъ и треплетъ все надъ нами, точно желая сорвать пріютившую насъ палатку. Рѣка, протекавшая мирно подлѣ насъ, теперь клокочетъ и шумитъ. Дождь барабанитъ по полотну, и холодная, влажная пыль брызжетъ мнѣ въ лицо. Какая досада! проворила я тоскливо, но такъ какъ ничего не приходилось дѣлать, какъ мириться, то я, отягченная сномъ и утомленіемъ, спряталась съ головой подъ одѣяло и все таки крѣпко уснула. Не знаю, долго-ли мнѣ пришлось спать, но я почувствовала, что насквозь промокаю. Тутъ я рѣшительно вскочила и увидѣла, что и моя компаньонка тоже торопливо одѣвалась. Сѣрое, сумрачное утро пробивалось къ намъ сквозь скважины, въ которыя и дождь проходилъ, свободно разсыпаясь мелкими брызгами по всей палаткѣ, и вѣтеръ, жалобно вой, тоскливо дѣйствовалъ на нервы.

— Il faut se lever plus vite possible, autrement nous serons tout-à-fait mouillées. Ah, quel temps désagréable, quel froid!—сказала она, дрожа и кутаясь въ теплую кофту. Et comment partirons-nous dans ce pluie? Et que ferons nous pendant ce temps triste et pluvieux? Quel malheur? говорила она, торопливо одѣваясь. Mais regardez, madame, nous aurons bientôt un urta! радостно воскликнула М-ль К., заглядывая въ щелку.

Я тоже посмотрѣла и дѣйствительно увидѣла, что Копбегень со своими молодцами братьями привезъ разобранную юрту, кошмы, палацы (родъ ковровъ) и они энергично и ловко принялись за устройство намъ болѣе теплаго и сухого убѣжища.

Дождь все продолжалъ барабанить по кошмѣ, отъ которой вслѣдствіе этого распространился непріятный запахъ. Густой туманъ проникъ къ намъ въ юрту и дѣлалъ самое ужасное впечатлѣніе, особенно съ той липкой, желтой грязью, которая окружила насъ, не давая возможности сдѣлать и двухъ шаговъ. Мы какъ то всё пріуныли, сожалѣя, что пришлось отложить отъѣздъ и молча сидѣли на полу, вокругъ разостланной скатерти. Только одинъ Копбегень ничего не замѣчалъ, пилъ чай и казался въ наилучшемъ настроеніи.

Разговорились объ охотѣ и узнали отъ аксакала, что дикіе кабаны составляли положительно бѣдствіе этой мѣстности, такъ какъ выѣдали вокругъ ближайшіе посѣвы. Это извѣстіе подняло охотничій духъ, всё стали говорить и рѣшили очень охотно отложить поѣздку до другого дня.

— Гдѣ же ихъ нужно искать?—спросилъ капитанъ у нашего гостя.

— А вотъ я вамъ сейчасъ пришлю проводниковъ,—сказалъ Копбегень и послалъ одного изъ своихъ братьевъ въ аулъ, откуда черезъ часъ явилось болѣе десятка киргизовъ, желающихъ сопровождать охотниковъ. Въ виду сырой погоды, послѣ столькихъ болѣзненныхъ симптомовъ, я должна была, къ большому моему сожалѣнію, отказаться отъ этой поѣздки. Въ лагерь все задвигалось и ожило, особенно когда проглянуло солнышко и повѣяло тепломъ.

Вдругъ во время самыхъ энергичныхъ и веселыхъ сборовъ къ предстоящей охотѣ, мы услышали неясные, но положительно ужасные крики. Всѣ, замолкнувъ, тревожно стали прислушиваться. Крики дикіе, вполне неестественные то приближались, то удалялись отъ насъ.

— Чтоже же это такое?—спросила я съ волненіемъ, выбѣгая изъ юрты, куда послѣдовали за мной и остальные.

Издали, насколько можно было разобрать, мы увидѣли, вооруженную длинными палками, огромную толпу людей, которые, размахивая ими по воздуху, метались во всѣ стороны, издавая самые ужасные непонятные вопли. Казалось, толпа шла прямо на насъ. Мергенъ, увидя ихъ, изо всѣхъ силъ помчался туда. Мы молча переглянулись, какъ бы спрашивая другъ друга, что могло все это значить и стояли въ ожиданіи; но даже тогда, когда киргизы были, не возможно было понять причины общаго волненія. Они то удалялись отъ рѣки и бѣжали прочь отъ нея, съ криками потрясая въ воздухѣ палками, то, приближаясь къ ней, входили въ воду и вдругъ, какъ бы замирая на мѣстѣ, затихали, то снова съ бѣшенствомъ бросались въ сторону и убѣгали безъ оглядки. По истинѣ было чему подивиться и мы, пораженные, стояли, наблюдая за происходившимъ. Наконецъ посланный казакъ и мергенъ вернулись и, махнувъ съ пренебреженіемъ рукой, съ отѣнкомъ презрѣнія сказали: это они убиваютъ большую собаку! Безсердечные дикари! воскликнула я, возмущенная до глубины души. Особенно сердце мое больно сжалось, когда я увидѣла, что бѣдное животное, собравъ остатки своихъ силъ, старалось уйти

отъ жестокихъ пресѣдователей, которые, при первомъ ея движеніи, гнались за ней и били палками до тѣхъ поръ, пока оно не лишалось окончательно чувствъ и падало на землю, тогда они волокли его къ рѣкѣ и въ водѣ старались шестами опустить ко дну. Но свѣжая, хрустальная вода производила свое благодатное дѣйствіе, даже и на полумертвое животное, оживляя его и восстанавливая силы. Очнувшись, собака снова выплывала на берегъ, гдѣ слабая, ошеломленная, безсознательно, съ поникшей головой и умирающимъ взглядомъ садилась подлѣ своихъ мучителей, для новыхъ терзаній.

— Скажите, чтобъ не смѣли трогать животного! закричала я, дрожа отъ волненія.

Капитанъ крикнулъ на нихъ, и вооруженная толпа моментально отступила, а собака, тихая и равнодушная, продолжала спокойно сидѣть на берегу.

— *Quello cruauté, quelle cruauté*—проговорила М-ль К. со слезами на глазахъ.

— Ради Бога, прикажите ее поскорѣ застрѣлить, чтобъ прекратить ея мученія! — сказала я капитану, который махнулъ рукой, и одинъ изъ казаковъ побѣжалъ за ружьемъ. Черезъ минуту я стояла рядомъ съ нимъ, какъ бы желая убѣдиться, хорошо-ли онъ цѣлился, и по моему сигналу раздался выстрѣлъ... Алая струйка подлѣ уха обагрила шею собаки, голова, какъ бы прощаясь, съ легкимъ отбѣнкомъ удивленія, приподнялась, взглянула въ послѣдній разъ на яркое, сіяющее солнце, затѣмъ склонилась и собака упала въ мягкія, привѣтливныя волны рѣки, которыя радостно подхватили страдальцу и, убаюкивая, унесли далеко, далеко...

Войдя въ юрту, я долго не могла успокоиться и придти въ себя отъ представившейся ужасной картины звѣрства.

Часа, черезъ полтора все охотники были готовы и, сѣвъ на лошадей и глубоко увязая въ липкой грязи, ѣхали маленькой рысцей въ сопровожденіи многочисленной киргизской свиты. Очень скоро послѣ того, какъ они все скрылись, мы слышали выстрѣлъ, затѣмъ послѣ продолжительной паузы другой... Черезъ нѣсколько минутъ тишины и глубокаго вниманія съ нашей стороны, показался скачущій казакъ.

— Что случилось? — спросили мы съ любопытствомъ, когда онъ подъѣхалъ къ юртѣ съ сіяющимъ лицомъ. — Убили?

— Точно такъ, двухъ.

— Кто убилъ?

— Господинъ Ивановъ и я.

— Зачѣмъ же ты пріѣхалъ?

— Чтобы взять веревки и приволокти кабановъ.

— А далеко это отсюда?

— Нѣтъ, тутъ сейчасъ... Страсть, сколько ихъ! штукъ тридцать большихъ, да маленькихъ пропасть. Такъ пасутся, какъ домашнія свиньи, право! — сказалъ онъ, вскакивая съ веревками на лошадь и, пригнувшись къ сѣдлу, помчался обратно, какъ вихрь.

Спустя полчаса показалась толпа пѣшихъ и конныхъ людей, сопровождающая лошадь, которая тащила за собою огромныхъ размѣровъ свинью.

— А гдѣ же другая?—спросила я, когда приблизились наши спутники.

— Представьте, какой вышелъ забавный случай! — сказалъ Иванъ Павловичъ, соскочивъ съ лошади. — Когда мы подъѣхали къ указанной киргизами долину, покрытой густымъ кустарникомъ, то увидѣли многочисленное стадо этихъ животныхъ, которыя вмѣстѣ съ поросятами мирно паслись на лугу. Чтобы не терять времени, я поскорѣ спустился съ холма, прицѣлился, выстрѣлилъ, и убитый кабанъ упалъ между кустами, а остальные кинулись во всѣ стороны, и долина моментально опустѣла.

— Не довольствуясь однимъ и не желая такъ скоро оканчивать охоту, мы приказали выгнать ихъ снова на середину, но, къ удивленію нашему, ни одинъ изъ проводниковъ не тронулся съ мѣста. Тогда мергенъ и казакъ, спустившись съ разныхъ сторонъ, съ дикимъ крикомъ бросились въ кусты и выгнали растерявшихся кабановъ, которые въ смятеніи разбѣжались по всей долину. Тутъ, стоявшій невдалекѣ отъ меня казакъ, увидя отставшаго отъ стада кабана, прицѣлился и убилъ наповалъ. Когда долина вторично опустѣла, мы сошли со своихъ мѣстъ и пошли отыскивать убитыхъ, но каково было наше удивленіе, когда мы нашли только одну свинью, въ которой, послѣ самаго тщательнаго осмотра, отыскали двѣ пули: мою подлѣ праваго уха и казачью въ животѣ. Какъ видно, мы стрѣляли по одному и тому же звѣрю! Но такъ какъ намъ и одного некуда дѣвать, то, конечно, жалѣть объ этомъ нечего, хотя бить ихъ слѣдуетъ ради простого уничтоженія.

Я съ любопытствомъ разсматривала большое животное, а казаки, весело помогая другъ другу, разводили костеръ для его опаливанья.

Когда мы сѣли за обѣдъ, то киргизы, кромѣ Копбегеня съ братьями, поговоривши и поглазѣвши на насъ, разошлись по домамъ.

Солнце уже закатывалось, когда мы, окончивъ чай, сидѣли въ юртѣ и вели общую бесѣду. Невдалекѣ отъ насъ слышался трескъ костра и живой, веселый разговоръ казаковъ, трудящихся надъ добычей и шумные возгласы м-ль К. Я полулежала на коврѣ, опершись на мѣшокъ съ сухарями, а противъ меня, на полу, поджавши ноги, сидѣли аксакалъ и пять его братьевъ.

Я стала спрашивать ихъ, любятъ ли они музыку, есть ли у нихъ инструменты, поютъ и играютъ ли они?

— Да, мы очень любимъ музыку, — отвѣтилъ съ важностью аксакалъ, — и мои два младшихъ брата хорошіе музыканты.

Оба юноши, на которыхъ онъ указалъ, скромно потупили головы.

— Такъ пусть они сыиграютъ и споютъ что-нибудь, — сказала я.

Копбегень тотчасъ шепнулъ что-то одному изъ нихъ, а юноша, выйдя изъ юрты, вскорѣ вернулся съ инструментомъ, вродѣ трехструнной балалайки и подаль ее одному изъ названныхъ музыкантовъ, но тотъ передалъ другому, который очень сконфузился и отказался отъ исполненія. Я и Копбегень стали его уговаривать и только послѣ долгой борьбы старшій взялъ инструментъ, ударилъ бойкой рукой по струнамъ и запѣлъ, хотя чистымъ и звучнымъ го-

лосомъ, но въ высшей степени однообразную и безконечную киргизскую пѣснь.

Было тихо кругомъ. Теплый вѣтерокъ иногда врывается въ юрту и волновалъ пламя стеариновой свѣчи, слабо освѣщавшей все предметы. Я, полузакрывъ глаза, прислушивалась къ мотиву и словамъ, которые трудно улавливались. Когда же пѣвецъ кончилъ, то взглянулъ на меня вопросительно, какъ бы выжидая похвалы.

— Очень хорошо, — сказала я ему, улыбнувшись, на что Копбегень съ важностью кивнулъ мнѣ головой, какъ бы одобряя мой вкусъ, а молодой пѣвецъ счелъ себя не въ правѣ окончить и началъ другую пѣснь, за ней послѣдовали—третья, четвертая, и я не знаю, до какихъ поръ продолжалось бы это, такъ какъ я считала долгомъ каждый разъ хвалить, а онъ продолжать пѣніе, если бы Копбегень не спросилъ меня: можетъ быть довольно?

— Да, довольно, — сказала я, обрадовавшись и поблагодарила пѣвца. Тутъ наши милые гости встали и, поклонившись, вышли изъ юрты. Въ это время насъ ожидалъ ужинъ изъ кабанины. И что это былъ за ужинъ! Великолепный бифштексъ, соусъ, супъ,—но это было все, чѣмъ мы попользовались отъ этого двѣнадцатипудоваго животнаго, такъ какъ хотя мы и взяли съ собой одинъ гигантскій окорокъ, но по пріѣздѣ домой онъ оказался негоднымъ. Казаки же варили, жарили, ѣли, взяли съ собой столько, сколько можно было взять на лошадь и все-таки оставили на берегу рѣки болѣе половины. Когда мы поужинали, то сейчасъ же разошлись по своимъ палаткамъ. Вечеръ былъ очень теплый и предвѣщалъ такую же ночь, но едва мы съ м-ль К. вошли въ нашу общую съ ней спальню и зажгли свѣчу, какъ тревожный шелестъ листьевъ заставилъ обратить наше вниманіе.

— Это вѣтеръ шумитъ?—сказала я, прислушиваясь, сидя на кровати. Слышите, какъ рѣка журчитъ, точно сердится. Не буря-ли снова приближается къ намъ?

— Не дай Богъ, это было-бы очень непріятно, тѣмъ болѣе, что завтра намъ нужно идти во что бы то ни стало, отвѣтила моя компаньонка, начиная раздѣваться. Но листья все живѣе и живѣе трепетали и барабанили по полотну, шумъ и свистъ рѣзче пронеслись надъ нами, сильно поколебавъ нашъ походный домъ.

Я поспѣшно встала и заглянула въ щелку. Темнота поразила меня. Вдругъ страшный порывъ вѣтра заставилъ меня отшатнуться, свѣча моментально потухла, и глубокій мракъ охватилъ насъ.

— Oh Jesus Maria!—воскликнула М-ль К. въ ужасѣ.

— Что это такое?

— C'est un bourasque?!

Не успѣла она еще окончить фразы, какъ мы очутились подъ открытымъ небомъ, такъ какъ палатку нашу съ шумомъ и воемъ сорвалъ вихрь и унесъ къ рѣкѣ.

На нашъ крикъ мгновенно сбѣжались со всѣхъ сторонъ, прислуга и казаки кинулись въ погоню за ней. Суматоха произошла очень забавная, мы все смѣялись и вмѣстѣ говорили.

Пока устанавливали наше временное убежище, в природѣ стало тихо, звѣздочки мирно проглянули сквозь темную лазурь неба, деревья точно притаили дыханіе и скромно глядѣли въ темную глубь. Ничего болѣе не тревожило тихой и теплой июльской ночи, и мы спокойно проспали до шести часовъ утра, а въ семь были уже на лошадяхъ и въ сопровожденіи Копбегеня и его брата пустились снова въ путь. Вблизи отъ нашей стоянки намъ пришлось переѣзжать вбродъ. Переправа тянулась нѣсколько верстъ и только часа черезъ полтора, когда мы выѣхали на большую дорогу, аксакалъ съ братомъ, попрощавшись, оставили насъ.

Это была необыкновенно живописная и веселая дорога, которая то подымалась по узкому и каменистому карнизу высоко надъ рѣкой, то спускалась и шла на одномъ уровнѣ съ ней, причемъ самые разнообразныя деревья и кустарники украшали обѣ ея стороны. Запахъ отъ душистыхъ листьевъ и влажный, тепловатый воздухъ дѣлали впечатлѣніе тропическаго лѣса, особенно когда тропинка суживалась и подъ сплетающимися вѣтвями, приходилось проѣзжать, низко пригнувшись къ сѣдлу.

На одномъ изъ спусковъ, подъ густолиственнымъ орѣхомъ, у тихаго заливчика расположились мы на кратковременный отдыхъ. Навишись чаю, я почувствовала сильное утомленіе и легла на голой землѣ, положивъ на камень вмѣсто подушки свою шапку, и крѣпко уснула. Меня разбудили, когда всѣ были готовы и собирались въ путь. Не смотря на то, что мнѣ пришлось проспать всего двадцать минутъ, я почувствовала себя совершенно бодрой и весело сѣла на лошадь. Дорога одинаково прекрасная шла до самаго Кумсана, по, не смотря на это, наши измученныя лошади еле уже передвигали ноги, и казаки, начавшіе прихварывать, должны были плестись пѣшкомъ, таща ихъ за собою. Въ Кумсанѣ мы остановились не болѣе, какъ на полчаса, такъ какъ торопились, желая до ночи добраться до Ходжекента.

Вечеръ былъ чудесный, и мы съ наслажденіемъ дышали свѣжимъ воздухомъ, наблюдали за появленіемъ яркихъ звѣздочекъ и прислушивались къ таинственному шуму бурливаго Чирчика, по живописному берегу котораго имѣли удовольствіе ѣхать. Каждый считалъ себя уже какъ дома, ступивъ на причудливый мостъ этой рѣки, который своимъ необыкновеннымъ положеніемъ на скалахъ, останавливаетъ вниманіе всѣхъ путешественниковъ. Весь Ходжекентъ съ его голубовато-зеленоватою рѣкой, стремящейся по глубокому ложу, съ его суровыми, темными скалами, съ его каскадами, серебристыми многочисленными ручьями производитъ необыкновенное впечатлѣніе своей красотой.

Поднявшись въ селеніе, расположенное на самой горѣ, насъ встрѣтилъ тамошній обыватель, богатый сартъ, который предупрежденный о нашемъ приѣздѣ, уже нѣсколько дней насъ поджидалъ.

— Здравствуй!—воскликнулъ онъ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, подходя къ моей лошади.

— Все готово вотъ здѣсь,—говорилъ онъ по-сартовски, указывая на одну изъ своихъ кибитокъ.

— Здравствуй, Магометъ-бай!—Ждалъ? Соскучился?

— Да, да!—отвѣтилъ онъ, не понимая моихъ вопросовъ и съ широкой, добродушной улыбкой помогая мнѣ сойти на землю.

Большое наслажденіе почувствовали мы, когда послѣ чая и ужина улеглись на приготовленные намъ кровати и спокойно заснули, почувствовавъ себя, какъ у пристани. На другой день, въ семь часовъ утра, переодѣтые въ лучшія чистыя одежды, на свѣжихъ лошадяхъ мы торопливо выѣхали изъ селенія, такъ какъ въ Ходжекентѣ были увѣдомлены о томъ безпокойствѣ, которое причинило наше продолжительное путешествіе.

Черезъ два часа мы были уже въ Чимганѣ. Нѣкоторые знакомые увидѣвши нашъ поѣздъ, выбѣгали на дорогу, чтобъ спросить о здоровьѣ, другіе, завидя издали, передавали другъ другу о нашемъ возвращеніи, третьи сопровождали до барака, закидывая многочисленными вопросами. Такимъ образомъ въ полчаса весь Чимганъ узналъ о благополучномъ окончаніи нашего путешествія, которое составило событіе дня.

Недѣли три мы отдыхали еще на дачѣ, въ Чимганѣ, затѣмъ, оправившись совершенно, переѣхали домой, въ Ташкентъ, гдѣ снова начались распросы и безконечные рассказы.

Вскорѣ я исполнила мое обѣщаніе и, накупивъ разныхъ подарковъ, отослала при письмѣ нашимъ пріятелямъ киргизамъ, въ Аулетинскій уѣздъ, на что получила отъ нихъ самый любезный и сердечный отвѣтъ.

